

РЕНЕССАНС
НОВЫЙ
2/32 - 2018

«РУССКИЙ STIL-2018» В БОЛГАРИИ

18-28.09
2018

В этом году наш 12-ый фестиваль отправляется в путешествие за пределы Германии. Помимо рабочих и торжественных мероприятий участникам будут предложены встречи как с коллегами – болгарскими писателями, так и с нашими соотечественниками, занимающимися самыми разнообразными проектами.

10 дней – насыщенная программа, которая удивит каждого и никого не оставит равнодушным. Кроме того – знакомство со страной не из окна автобуса, а напрямую общаясь с местными жителями, погружаясь в их культуру и традиции. Где еще вам смогут предложить подобное?..

Немного больше о программе фестиваля

18.09 София.

Вечерний коктейль (знакомство участников фестиваля).

19.09

Экскурсия по столице Болгарии. София – один из старейших городов в Европе. Основание города специалисты относят к I веку нашей эры. Вначале он назывался Сердика и был крупным административным и торговым центром Римской империи, а затем Византии. К началу 809 года город входил в состав Болгарского царства и впервые был переименован в Средец. Свое современное название он получил в конце XIV века.

Открытие фестиваля, торжественная церемония награждений победителей предварительных творческих соревнований.

20.09 Пловдив.

Мы посетим один из древнейших городов не только в Болгарии, но и в Европе. Город расположен на шести уникальных холмах из сиенита, в западной части Верхне-Фракийской низменности, по обеим сторонам самой большой в Болгарии реки Марицы. В Пловдиве можно увидеть сочетание разных культур: римлян и фракийцев, македонцев и византийцев, турок и болгар.

20.09-22.09 Хасково.

На стыке двух миров. Встречи с болгарскими писателями, знакомство с регионом. Хасково – город у подножья Родопских гор. В Хасково возвышается статуя Девы Марии, высотой с постаментом почти 33 метра. Хасковская Богородица отмечена в Книге рекордов Гиннесса. В церкви святого Архангела Михаила сохранились уникальные росписи и резьба по дереву. Самая старая в стране мечеть также находится в Хасково.

22.09-23.09 Варна.

Встреча писателей, читателей и литературоведов обеих стран, представление русской и болгарской литературы, книжных проектов. Знакомство с регионом. Город Варна расположен на берегу Черного моря. Это не только популярный болгарский курорт, но и культурный центр страны.

23.09-28.09 Несебр.

Школа писателя «На вырост». Духовные практики, тренинги, мастер-классы, арт-терапия. Знакомство с регионом, купание и солнечные ванны. А самое главное – создание ПЕРВОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДУШЕВНОЙ книги по итогам ШКОЛЫ. Несебр – город-музей, расположенный на живописном полуострове. Это отличное место для погружения в себя и медитативных практик.

Кто желает к нам присоединиться, подавайте, пожалуйста, заявки на участие в секретариат МТП: secretariat@ingild.com

ШКОЛА ПИСАТЕЛЯ

«НА ВЫРОСТ»

Наша цель – чтобы человек стал счастливым.

**Счастье – это все составляющие жизни,
это когда радости много, а страданий нет.**

При этом необходимо научиться делать ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР.

- Если работа, то должна быть любимой. Ее нужно найти, а для этого нужно понять себя.
- Люди, с которыми вы общаетесь, были теми, которые вас любят. Но для этого необходимо и самому быть достойным настоящей дружбы.
- Отдых такой, чтобы душа пела, – тоже серьезно. Многие проводят перед телевизором до 40% свободного времени, но это не ваше счастье – там мелькает жизнь других людей.

*Счастье – это основной или один из основных призов,
которые человек может получить в своей жизни.*

Чтобы научиться быть счастливым, человек должен выбрать свой Путь.

Мы ориентируемся на то, что у каждого человека есть бессмертная Душа, Бог каждого любит, и каждый может стать счастливым. Вера – как одна из составляющих, без нее ничто не сдвинется с мертвой точки. Но основной наш путь – раскрыть индивидуальные способности и донести мысли до окружающего мира через собственный опыт и личное познание ИСТИНЫ.

Основные принципы построения нашей школы – это работа с энергией и Духовными Законами.

Энергетическое развитие – как научиться набирать энергию, для того чтобы можно было раскрывать способности.

Управление собой – вызов нужных ощущений, силы, уверенности.

**Наша задача – понять что в нас заложено
и реализовать свой потенциал.**

ВАЖНО! Человек может все, но для этого он должен сначала захотеть и, конечно, постараться.

Развитие, по большому счету, безгранично. Учение – это вперед и надолго, и счастливым может быть человек, который выбрал Путь на всю жизнь. Ему не нужно что-то постоянно искать, менять, он старается выстраивать взаимоотношения, он создает мир вокруг себя. Чем больше вы вкладываете в людей, тем они становятся вам роднее и ближе. Формирование Духовного Братства, когда надежные и преданные друзья готовы прийти вам на помощь, – вот суть Школы «На вырост».

ТАТЬЯНА ТУРБИНА

НАМ НА ЗЕМЛЕ ОТКРЫВАЮТ СЕРДЦА ДЛЯ ЛЮБВИ

Татьяна Турбина, писатель, член Международной гильдии писателей, литературного объединения имени А. П. Чехова, литературного объединения «Строка». Дипломант международного музыкально-поэтического фестиваля «Ялос», национальной литературной премии в номинациях «Поэт года 2013», «Наследие 2014», проводимых «Литературным клубом» (г. Москва). С 2012 года живет в Израиле, в городе Арад.

Из серии

Интервью с Ладой Баумгартен

Лада Баумгартен: *Татьяна, если рассматривать вашу творческую биографию, то в ней и участие в различных творческих союзах, и победы в конкурсах, организация выставок, издание книг. Как вы все успеваете? И что было вначале слово (во что вылилось – в рассказ или в стихотворение, в каком возрасте и о чем) или увлечение живописью? Насколько я знаю, вы сами оформляете собственные книги.*

Татьяна Турбина: *Моя творческая жизнь насыщена событиями. В настоящее время я реализую то, к чему стремилась всю жизнь, посвящая себя любимому делу – пишу, рисую, путешествую!*

Долгое время я не имела возможности этим заниматься, хотя рисовала с раннего возраста неплохо. Первое стихотворение я написала в день полета в космос Юрия Гагарина, после торжественной линейки, войдя в класс:

*Первым в полет, в неземную даль,
Юрий Гагарин вывел корабль,
Слава по миру летит за ним –
Советский в космосе гражданин!
Наша Планета, наша Земля,*

Первый в космосе! Слышишь меня!

Он повторяет: готов много раз

Выполнить партии приказ!

После этого писалось довольно много, некоторые стихи сохранились, а проза (фантастические рассказы о космических путешествиях), к сожалению, не сохранилась.

Вернулась к живописи я после знакомства с ялтинскими художниками. С Элеонорой Щегловой – семь дней мы «работали совместно» в Топловском монастыре. Элеонора там писала иконы «Николая Чудотворца» и «Георгия Победоносца», оформляя часовню на источнике в лесу. Моя «работа» заключалась в духовной поддержке, чтение акафистов, канонов. Благодаря Эле, я познакомилась и с другими ялтинскими художниками, в том числе с учеником В. Серова – Яковом Басовым. Он уже был в довольно преклонном возрасте. Яков учил меня смотреть и видеть! Около двух лет, до самой его смерти, я через день подрабатывала в семье Басовых – готовила обеды, радуя старого художника цветовой гаммой, приготовленных блюд. Он с удовольствием слушал мои жизненные истории, о паломничествах и отказных детях, и советовал писать рассказы.

В 2009 году я стала водить внучку в изостудию «Живопись» при доме детско-юношеского творчества в Ялте. Подружилась с замечательной художницей, увлеченным человеком, щедро делящимся знаниями не только с детьми. У нее «зарисовали» все бабушки и мамы, приводившие детей в студию! Вера Ивановна Цветкова-Канторина – мой главный учитель и наставник в живописи!

В свое время я окончила курсы машинописи, потому что стихи в тетрадях, написанные рукой, могла прочесть только я. Почерк у меня, как у врачей. Дочка говорила, что для меня достаточно 22 буквы, все остальные похожи между собой. Желание оформлять книги самостоятельно заставило научиться печатать и полюбить графику. Линии ввергают в медитацию, время исчезает. Долгое время все писалось и рисовалось в стол.

Лада Баумгартен: *Вы с берегов Черного моря, почему выбрали местом проживания Израиль? Как вам здесь нравится или скучаете по Ялте? Часто ли бываете в родных краях?*

Татьяна Турбина: *Двоюродный брат мужа жил в Израиле с 1999 года и ежегодно приезжал к нам в Ял-*

ту летом, уговаривая репатриироваться. К своему удивлению я узнала, что мой муж – еврей по маме и имеет такую возможность, но он был категорически против того, чтобы изменить жизнь, хотя с 2004 года тяжело болел.

В 2011 году Украина заключила безвизовое соглашение с Израилем. Воспользовавшись предложением Бориса, я с друзьями из Днепрпетровска посетила Израиль. Страну полюбила с первого взгляда, у Стены Плача просила, если Творцу угодно мое служение на этой земле, устроить наш путь. Возвращаясь в Крым 1 апреля, в самолете я написала стихотворение, которое назвала «Поехали Валек!». 6 апреля у Валентина был День рождения, и я прочла его. Внимательно посмотрев на меня, он сказал: «Поехали!»

В 2011 году я приняла участие в фестивалях «Ялос» и «Чеховская осень», получила первые дипломы за стихи. А в феврале 2012 года увидела свет моя первая книжка «Иерусалим, Иерусалим, хочу я камнем стать твоим». Тираж 300 экземпляров разошелся мгновенно и, благодаря вырученным средствам, я смогла после второго фести-

валя «Ялос» издать еще две книги: «Два мира за тонкой стеной», посвященную еврейской общине города Ялты, и «Все дивно в этом мире», посвященную паломническим поездкам. Таким образом, на момент отъезда в «моем столе» ничего не осталось!

Спасибо моему мужу, который рассудил, что все, что было в Ялте, нужно облечь в форму книг! Он финансировал первую книгу: «Не бросать же рукопись об Иерусалиме!» А я рассудила, что раз дали такой шанс, то им грех не воспользоваться, и тиснула все, что было написано в предыдущие годы!

Долг прошлому был отдан. 12 мая 2012 года в 17 часов наш самолет вылетел из Симферополя, а в 23 часа мы уже были гражданами Израиля, (с теудат зеутом – паспортом) и сидели за гостеприимным столом у Бориса в славном городе Араде!

Мне очень нравится Израиль, до своего первого выезда я не видела масок безысходности на лицах сограждан, а после Израиля, ужаснулась. Я люблю Израиль, слушая Атикву, гимн Израиля, чувствую гордость за страну и народ, частичкой которого я стала. Я не скучаю по Ялте, и не ездила бы туда, если бы

там не жила моя семья. Езжу каждый год к сыну в Белгородскую область, к старшим внукам – в Рязань, к дочери в Крым. Я – член Союза писателей Крыма и «Ялоса», поддерживаю связь с собратьями по перу, печатаюсь в крымских альманахах.

Лада Баумгартен: *В начале 2000-ых, я так прослеживаю вашу биографию, вы искали себя саму. Ваш духовный поиск привел тогда вас в ялтинскую больницу, отделение младшего возраста, где вы стали работать с отказными детьми. Эта тема прослеживается и по многим вашим рассказам. Не скрою, что прочтала вашу книгу, когда мы в издательстве над ней работали, и скажу честно – плакала чуть ли не над каждой страницей. Как вы справлялись с наплывом такого объема боли? Ваша душа поистине сострадательна, но такую нагрузку, мне кажется, не выдержит и самое большое сердце. Больно и печально читать строки о брошенных детях, каково же наблюдать это годами. Сколько времени вы отработали с детками? Расскажите вкратце о самых запомнившихся ситуациях, обрели ли хотя бы некоторые ваши питомцы счастье в дальнейшем в виде новых родителей?*

Татьяна Турбина: В духовном поиске я нахожусь постоянно, этому

способствовала моя жизнь, я воспитывалась в Доме ребенка, в интернате – общественная девочка. Прошлое оставило в сердце большую за-нозу, но, благодаря работе в детской больнице, я смогла ее извлечь. С отказными детьми работала 7 лет, но после ухода из больницы навещала бывших подопечных в Доме ребенка, прослеживая их судьбы до усыновления. В 2012 году Ялтинский Дом ребенка закрыли. Один из моих крестников попал в многодетную ялтинскую православную семью, эти люди через три года еще усыновили двоих отказных. Эту семью я навещаю, судьбы остальных детей мне неизвестны, но я нутром чувствую, что у них все в порядке. Эти дети разлетелись по миру: в Италию, Америку и Англию...

Лада Баумгартен: *А паломничество по святым местам... где вы побывали? Что дало вам посещение мест силы?*

Татьяна Турбина: В своих паломничествах за десять лет я побывала во многих святых местах Украины, Беларуси, России. Самые сильные впечатления – Соловки, Псково-Печерская лавра – остров Залит, посещение прозорливого старца-поэта Николая Гурьянова, Дивеево. Украина – Почаевская Лавра, Корецкий женский монастырь, Святогорская Лавра, Беларусь – Полоцк. Во всех святых местах присутствует благодать, происходит и происходило много чудесного, в том числе и у меня.

Лада Баумгартен: *Сформируйте, пожалуйста, ваше отношение к жизни в нескольких словах?*

Татьяна Турбина: Мое отношение – созерцание и умиление происходящим, радость жизни, я знаю, что она – великий подарок Творца:

*Нам на земле открывают сердца
для любви,*

*Легким полетом души жизни
тишем страницы,*

*Строки вливая в бескрайнюю
Вечность – время уходит.*

*Книга желаний раскрыта,
читай, не спеши!*

Лада Баумгартен: *Жизнь в Израиле – вы снова полны сил и энтузиазма. И наша с вами встреча произошла не в ином месте, а на Мертвом море. Это была моя первая поездка в страну. И я очень рада тому, что она не только свела нас, но и сдружила. Мне было приятно делить с вами время и общую крышу над головой. Я помню тот вечер, когда вошла в отель – милое добродушное лицо светится лучезарной улыбкой, и сообщает: «Я предварительно изучила информацию – с кем предстоит жить бок о бок на протяжении всех литературных встреч». Это было и удивительно, и запомнилось. А знаете еще почему, потому что чаще людей интересуют они сами, но не другие... Вы меня покорили с первой минуты. А потом мы снова встретились уже в Нетании на «Барабане Страдивари». Татьяна, скажите, откуда или от кого вы узнали о МГП и почему решили примкнуть к нашим рядам?*

Татьяна Турбина: Я хорошо помню все встречи и благодарна судьбе за то, что она так щедро меня наградила. Творческие люди подобны детям, они чувствуют радость жизни! Наше общение на Мертвом море было таким живым, непосредственным, теплым и светлым. Я не терплю, когда амбиции делают человека высокомерным, Слава богу, Ладушка, что ты такой открытый, светлый человек, благодаря тебе МГП смогло объединить творческих людей с открытой детской душой.

В 2014 году я овдовела, муж был парализован более года, и я общалась со всеми только в сетях. О «Литературных встречах СРПИ и МГП 2015 года на Мертвом море» узнала из Фейсбука и не преминула воспользоваться замечательной возможностью пообщаться, ну а познакомившись, уже не могла не влиться в ряды МГП. Эта встреча меня сдружила с Риммой Ульчиной, мы с ней постоянно на связи, бываю я и у Хелен Лимоновой, и на фестивале «Арфа Давида» у Люды Чеботаревой.

Мне нравится живое общение, я умею радоваться успехам других.

Мой девиз: у каждой птицы – своя песня, пойте!

Лада Баумгартен: *Татьяна, скажите, с чего начинать новичку, если он захочет пойти по вашим писательским стопам?*

Татьяна Турбина: С чего начать новичку? Научиться слушать и понимать себя... Жаль, что я не фиксировала даты написания стихотворений, но это выстроило мой план:

*Дай, Боже, в Истине ходить,
не ведать Времена и Сроки,
А слышать голоса пророков,
и Слово в Мир благовестить!*

*Не на широких площадях,
на стадионах или сценах,
И не на цирковых аренах,
а дружески – уста к уста!*

*Дай, Боже, видеть не врага
в любом приблизившемся в боли,
А слышать Вечные Глаголы
и утаенные слова,*

И дай познать пути свои.

Пойму себя – и понят близкий!

*Не дай гордыне обелиском
в холодном мраморе расти!*

*Дай, Боже, в Истине ходить
и видеть, как Живое Слово*

*С креста Святое снимет Слово,
чтоб в гроб умершим положить,
И в истечение трех дней увидеть,
как оно воскреснет,*

*Чтоб Воскресением Небесным
живую душу убелить!*

Лада Баумгартен: *Татьяна, ваши планы на будущее?*

Татьяна Турбина: Я написала сказку «Приключения верблюжонка Баты». Она в сокращенном варианте получила второе место на фестивале «Ялос» в номинации «Малая проза». Осознав, что мой герой путешествовал только два дня, я решила, что у сказки будет продолжение. Думаю, что это будет серия сказок, отражающих жизнь в Израиле, ее природные особенности. А также к своему семидесятилетию я хочу подготовить книгу избранных произведений.

«РЕЛЬЕФ – ИСКУССТВО, СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ...»

Мы больше не шведы, русскими мы не можем быть, значит, придется становиться финнами.

Адольф Ивар Арвидссон

Художник – всегда над бытом, над нацией, над религией, но – под Богом.

Александр Конопелькин

Тойво Куула, страстный певец природы и народа Финляндии, композитор и дирижер позднего романтического и раннего модернистского периода развития финской культуры, родился 7 июля 1883 года в Вехкакоски (современный Алабус), на северо-западе центральной части Финляндии, в области Южная Остроботния. Мальчика зарегистрировали в городе Вааса, тогдашнем Николайкаупунки.

Необычайно талантливого ребенку, в раннем детстве подпавшему под чары финской народной музыки, суждено было стать первым из учеников Яна Сибелиуса в классе композиции. С 1906 по 1908 годы

Тойво Куула брал у маэстро частные уроки; по окончании Хельсинского музыкального института стажировался в Болонье, Лейпциге, Париже и Берлине.

Еще будучи студентом, Тойво Куула преподавал, а также работал дирижером оркестра в Оулу (1909–1910).

В 1912–1915 годах он дирижировал оркестром в Хельсинки, с конца 1916 по 1918 год – в Виишури (Выборге).

18 мая 1918 года его жизнь трагически оборвалась: Тойво Куула умер в больнице Виишури, в Финляндии, куда его поместили после полученного им смертельного пулевого ранения.

Композитор Тойво Куула известен, главным образом, благодаря созданным им вокальным произведениям: он – автор 24 песен для голоса и фортепиано, аранжировщик музыкального фольклора Южной Остроботнии.

Многие из произведений для голоса исполняла его жена, Алма, став-

шая для Тойво настоящим источником вдохновения.

Для хора и оркестра Тойво Куула написал кантату «Stabat Mater»; для голоса, хора и оркестра – симфоническую легенду «Сын раба» (1910), для оркестра – «Остроботнийские сюиты». Неоконченными остались симфония, балет и опера Тойво Куулы. Его главная хоральная работа – кантата «Stabat Mater», начатая композитором в 1914 году и законченная в 1915-м, однако впоследствии оригинал был потерян. Автор возвратился к партитуре и даже пересматривал ее в 1917 году. В 1918 году Лееви Мадетойя, друг Тойво, завершил работу по восстановлению, и кантату исполнили в Хельсинки на концерте памяти Тойво Куулы в первую годовщину его безвременной смерти.

Имя Тойво означает «надежда», псевдоним Куула – «пуля».

Одну из своих кантат на стихи Эйно Лейно композитор назвал «Бессмертной надеждой».

«Я долго смотрел на огонь»...

Первое юношеское увлечение Тойво Куулы завершилось длившимся с 1905 по 1913 годы браком, в котором родилась дочь, умершая в двухмесячном возрасте. Тойво учился музыке, супруга жила в доме у его родителей и, к сожалению, жизненных интересов мужа не разделяла. Да и сам Тойво не сразу понял, что музыка – главное дело его жизни и что он – Культурный Творец, Стихийный Творец: Божья дудка.

Творческий дуэт Алма и Тойво сложился легко и постепенно перерос во взаимную Любовь, запечатленную в сохранившейся переписке, а также в дневнике, который певица вела с 1901 по 1919 годы. В Национальной библиотеке Финляндии хранится изданная в 1968 году дочерью Алмы и Тойво книга, доступная также в интернете. Финнами собран богатейший фотографический и видеоматериал, касающийся удивительной супружеской четы.

В платонической любви композитора и певицы изначально главенствовала музыка: Тойво писал для Алмы произведения, она их исполняла. На пути у двух любящих сердец встала, казалось бы, непреодолимая социальная преграда: Тойво связывали узы брака.

Познакомились Тойво и Алма в 1906 году в Хельсинском музыкальном институте. В мае 1907 года в традиционном весеннем концерте Амми исполнила написанное для нее произведение на стихи Эйно Лейно «Я долго смотрел на огонь» (псевдоним поэта означает «Печальный»). Это было первое произведение для голоса и фортепиано, представленное Тойво широкой публике. Он влюбился в Амми с первого взгляда, но очень долго их отношения не выходили за рамки сотрудничества «композитор – певица».

Алма Йоханна Сильвентойнен родилась 5 февраля 1884 года в С. Петербурге. Ее отец, серебряных дел мастер Пекка Сильвентойнен (родной брат прабабушки Эммы Прибыльской – Эммы Марии, самой младшей в семье), построил в Скиннариле, под Лаппеенрантой, на берегу озера Саймаа, дом в который семья переехала в конце XIX века. До 1900 года вместе с ними жила его мать (Эммина прапрабабушка), прах которой покоится в Лаппеенранте.

Летом 1907 года Тойво стал навещать Амми в Скиннариле. Летний дом Сильвентойненов сохранился на территории Технического университета и принадлежит вузу. Старое здание хотели снести, но студенты отстояли его как историческую ценность. Теперь это Музей, в нем проводятся значимые культурные мероприятия.

Когда Тойво впервые явился к Сильвентойненам, мать Алмы сказалась больной, чтобы не спускаться к гостю. Целый год над домом висела угроза громкого скандала. В 1908 году отец Тойво письменно уведомил родителей Амми о том, что у его сына есть жена, Рауха Нелимаркка, и обвинил Амми в неэтичном поведении. Тойво объяснил родителям, что с Амми его связывает исключительно дружба, и продолжал навещать Сильвентойненов.

В скором времени Амми и Тойво отправили на учебу за границу: ее – в Милан, его – в Берлин, Болонью, а затем обоих – в Париж, где, вероятно, и начался их роман. Пожениться они смогли лишь в 1914 году, через год после развода Тойво с первой женой. В 1908 году Тойво написал «Свадебный марш», впервые исполненный в С. Петербурге, в Финской церкви Св. Марии, в день бракосочетания младшей сестры Алмы, Эмми

Сильвентойнен, и Юрью Путкинена. Церемония началась Опусом 3с № 1, который М. Путро играл на органе, хотя произведение не было предназначено для этого инструмента. На банкете «Свадебный марш» прозвучал снова – на этот раз в исполнении автора на фортепиано.

Тойво писал «синие» песни, и как тут не вспомнить бажовский «Синюшкин колодец»: «Так-то, мил друг Ильюшенька! Синюшка я. Всегда старая, всегда молодая. К здешним богатствам навеки приставлена!»

До наших дней дошли два знакомых произведения Тойво Куула для голоса и фортепиано, которые исполняла Алма: «Синипиика» («Лесная Дева») и «Синикан Лаулу» («Песня Синикки»). Синикка и Синипиика – однокоренные имена: «сини» – синева, синяя лесная даль, синий туман, дымка. В день знакомства с Тойво Амми пела в костюме Айно, и он влюбился, по сути, в трагическую мифическую героиню. Амми казалась Тойво феей с серебряным сопрано: никакой прозы жизни! Ключевое слово романтического дуэта – «синий».

Синикка – героиня пьесы Эйно Лейно «Лалли». Лалли – крестьянин-язычник, финн, на льду озера в Западной Финляндии зарубил первого шведского архиепископа, проповедовавшего в Финляндии. Синикка – дочь Лалли – гадая по облакам о судьбе отца, узнает о его трагической гибели. Облако – лодка Туони, увозящая в Туонелу. Туони – бог смерти и река смерти.

Получив в конце 1916 года место дирижера в оркестре Виипури, Тойво сначала жил один, затем снял виллу в Сяйние, в десяти километрах от Виипури в сторону С. Петербурга. Сегодня это – Верхне-Черкасово, под Выборгом.

Дочь Тойво и Алмы, Синикка, родилась 4 апреля 1917 года. Девочку одевали исключительно в голубое и синее. Тойво писал «синие» песни для своей голубоглазой Синипиики и аккомпанировал Амми на фортепиано. В апреле 1918 года девочке исполнился год.

Забегая вперед, Эмма делает акцент на то, что Тойво и Алма жили категориями своей личной мифологии. Амми умерла 8 октября 1941 года по дороге в Лаппеенранту, куда ехала в сопровождении дочери для участия в концерте. После смерти Тойво Алма исполняла только его произведения, и накануне, увидев над озером облако-корабль, сказала Синикке: «Я чувствую, что это Тойво приплыл за мной».

Смерть в дороге... Синикка издала дневники матери под названием «Сила лодки»: именно так называлась песня Тойво Куулы на слова Эйно Лейно.

Синикка стала известной пианисткой. Она исполняла музыку отца и аккомпанировала матери. Умерла 18 августа 1981 года.

Жертвоприношение

В декабре 1917 года Финляндия получила независимость. В январе все еще было безоблачно в жизни страны, в судьбах Тойво и Амми: наблюдался прилив патриотизма. Затем в обществе произошел раскол. Появились «Красный Совет» и «Белый Сенат»: два правительства. Наметились два пути дальнейшего развития страны. Это был период безудержного роста взаимной ненависти и нетерпимости.

В начале XX века Финляндия стала второй в мире страной, предоставившей женщинам право участия в выборах в Парламент, и первой в мире, давшей представительницам

«слабого пола», не считавшим себя таковыми, право быть избранными. В то же время Российская империя взяла курс на уничтожение автономии Финляндского княжества, на русификацию этой местности. Движение за независимость Финляндии приобрело многообразные формы. В области культуры произошел расцвет неоромантизма – с опорой на «Калевалу», т. е. отмечалось возвращение к языческим истокам, что сказывалось на поведении творческих личностей, бросавших вызов сложившимся устоям. Заключались немислимые ранее браки. Известная история: писатель Эйно Лейно + композитор Лееви Мадетойя + поэтесса Л. Онерва. Женщины добились равноправия с мужчинами и предпочитали сами выстраивать свои отношения с противоположным полом: на фоне очень жестких вещей они отстаивали свое право на любовь – главную ценность – и искусство.

Тойво Куула всегда был ярким феноменом. Партия «Фенномания» была создана после Крымской войны и ставила целью переход образованных слоев населения со шведского языка на финский, перевод финского языка и финской культуры из статуса крестьянских – в национальный язык и национальную культуру, придание финскому языку статуса государственного и, в конечном счете, – создание национального финского государства. Оппозиция – Свекоманы – ратовала за шведский язык и связи с германским миром.

В конце XIX – начале XX веков «Фенномания» распалась на Старую финскую партию и Молодую. Последним в списке выдающихся феноменов стоит имя Тойво Куулы.

У финнов не было крестьянской общины, как в России, зато была «кулацкая» хуторская система (о которой мечтал Столыпин и которую

он начал осуществлять, в частности, под Добрушем, в двадцати километрах от Гомеля, но не успел завершить). Крестьяне брали в аренду хуторок, если сами не были хозяевами, и становились торпарями. Если арендовался только дом с огородом, крестьяне считались бобыльями. Можно было также быть собственниками земли.

Неоромантизм тяготел к этой прослойке населения, поскольку хуторяне были от леса, от земли, от воды и держали связь с родной природой. Именно здесь таятся истоки ярого национализма, приведшего к созданию шюцкора – Белой гвардии Финляндии, Охранного корпуса, Стражи – по сути, народного ополчения, охватившего все слои населения сельской местности, – от детей до стариков, мальчиков и девочек: военнизированное общество с детско-юношескими организациями в стиле гитлерюгенд, женско-девичьи «Лотта Свард». Лотта – имя, Свард (на шведском слово означает «меч») – фамилия героини поэмы Йохана Рунеберга, ушедшей с мужем на Русско-шведскую войну (1808–1809). «Маленькие Лотты» даже носили на рукаве синюю свастику на фоне четырех роз.

Почему таким сильным было влияние Германии на финнов? Досталось в наследство от Швеции; сказались также близость языков и реальная угроза со стороны Российской империи. Для этого слоя – «шюцкоровцев» и неоромантиков калевальского толка – Финляндия была выше всего.

Имелось еще одно движение – егерское, приверженцы которого от теории пассивного сопротивления перешли к активному сопротивлению российской власти и отправили своих представителей в Германию учиться военному делу. Им даже

довелось участвовать в боях на стороне немцев в Прибалтике, на Рижском фронте.

Поскольку финская армия была распущена российскими властями (по сути - уничтожена), многим финнам вменялась в обязанность служба в русской армии. Карл Густав Эмиль Маннергейм - барон, финский военный и государственный деятель шведского происхождения, генерал от кавалерии Финляндской армии (7 марта 1918), фельдмаршал (19 мая 1933), почетный маршал Финляндии (4 июня 1942), регент Королевства Финляндии (12 декабря 1918 - 26 июня 1919) - был русским военачальником, генерал-лейтенантом с 25 апреля 1917 года и воевал против немцев на стороне России.

В конце января 1918 года в Финляндии началась Гражданская война, и егеря - примерно 1,5 тысячи человек - вооруженных, обученных, со своим командованием - влились в состав финской Белой армии, состоявшей в основном из ополченцев «шюцкоровцев». Надо сказать, что в городах на юге Финляндии (Тампере, Турку, Хельсинки, Виипури) преобладали так называемые красные финны - поскольку здесь было много рабочих, были развиты металлическая и судостроительная промышленность, - и в этой местности укоренились марксистские идеи (своего рода борьба между промышленным Югом и аграрным Севером).

Достаточно вспомнить восстание моряков в 1906 году в Свеаборге (Юг), сейчас это Суомменлинна, морская крепость на семи островах рядом с Хельсинки, в черте города. Эммин прадед служил там и проникся марксистскими идеями. Придя работать на железную дорогу, он влился в среду, где преобладали те же идеи. Российские гарнизоны - частично большевистски настроенные - были

выведены в Россию после заключения 3 марта 1918 года Брестского мира, что послужило одной из причин поражения красных финнов в Гражданской войне: Ленин просто пожертвовал ими, в то время как Германия не прекращала оказывать белым финнам помощь на территории Финляндии.

Конечно, обе стороны шли войной брат на брата, уничтожали друг друга, но погибших со стороны красных было в несколько раз больше, и белые не скрывали злорадства: «Поделом!» В целом жертв было очень много для такой маленькой страны. Это была одна из самых кровопролитных гражданских войн в мире. И если красные исповедовали интернационализм и карали идеологических врагов, а также богатых мужчин, то белые проповедовали жесткие антирусские настроения. Как всегда, политику проводило государство, а пострадали простые люди по сугубо национальному признаку. Издевка судьбы в том, что автоматически жертвами финского белого террора стали белые русские офицеры, не принявшие революцию в России. Но для пронемецки настроенных егерьей они были врагами и подлежали полному уничтожению. После победы в Гражданской войне, закончившейся захватом Выборга в конце апреля 1918 года, было расстреляно порядка пятисот человек, известных поименно. Среди них были и принятые за русских поляки с украинцами, и служившие в Красной гвардии женщины, и мальчишки-кадеты из С. Петербурга. Запятнали свою честь в основном егеря, демонстративно не подчинявшиеся Маннергейму, издавшему приказ расстреливать русских, воевавших за красных, - и только, поскольку шла внутренняя борьба за власть, но т. к. егеря были основной ударной силой, по-

могавшей победить, и по-прежнему являли собою мощь, Маннергейм шел с ними на открытый конфликт, хотя едва история о резне в Виипури попала в газеты, относительный порядок в армии ему пришлось навести.

- История трагической гибели Тойво Куулы напоминает древнегреческую трагедию, - с горечью констатирует Эмма. - С одной стороны - всевластие злого Рока, торжество Фатума, с другой стороны, Вальпургиева ночь - Ваппу - у финнов: середина между Весенним равноденствием и Летним солнцестоянием. Праздник костров и встреча весны - один из четырех главных праздников у финнов. Время жечь костры - в защиту от злых чар, воспевать хором прибытие весны и вместе встречать восход солнца. Сожжение на костре человека во имя поддержания мироустройства давно сменили на прыжки через костер. Какая-то языческая ночь кровавых жертвоприношений вернулась в Выборг-1918!

С зимы 1918 года Тойво не писалось: он испытывал творческое бессилие. Его выматывали беспокойство, невостребованность (оркестр закрыли), неопределенность, отсутствие информации. Он жил на даче с женой, ребенком, служанкой и собакой - без денег, без работы, без перспективы. Несколько недель Тойво отсиживался на чердаке своего дома, уклоняясь от призыва в Красную гвардию. 24 апреля 1918 года Сяйние был занят белыми, и Тойво, державший их сторону, был невероятно счастлив.

29 апреля Тойво и Алма отпраздновали в Сяйние четырехлетие своего официального брака и собирались 30 апреля уехать на лето в Луханку на озеро Пяйянне, где Тойво, страстный яхтсмен, намеревался заняться парусным спортом. В 1916 и 1917 годах они уже отдыхали там и

остались довольны, но на этот раз им пришлось внезапно скорректировать планы: Тойво и Алму пригласили в Виипури посмотреть парад, а затем в ресторане «Сеурахуоне» отпраздновать победу белых в Гражданской войне, а заодно – и Вапшу. Отряд шюцкора из Ваасы, родины композитора, считал за честь прислать за ними автомобиль.

Весь вечер Тойво был за роялем. Алма исполнила две грустные песни под его аккомпанемент: одну из самых ранних в его творчестве – «Осеннее настроение» – написанную еще в Ваасе, и «В субботу вечером», в которой с первых строк речь шла о феномене смерти, представленной не только как естественная природная закономерность, но и как сотворенное людьми зло, как необузданная стихия, прерывающая жизнь индивида в расцвете сил.

Алма ушла отдыхать, а Тойво исполнил свой недавно написанный «Марш гражданской стражи» на слова Ээро Ээрола. Тойво разучивал с солдатами текст и пребывал в полной эйфории.

В тот вечер выпито было чрезвычайно много. В довершение ко всему, солдаты ограбили аптеку с медицинским спиртом – и на этом фоне случилось то, что позже было выдано за неприятный инцидент – несчастный случай, произошедший по вине композитора Тойво Куулы. Возникла музыкальная дискуссия – сравнивали «Егерский марш» Яна Сибелиуса и «шюцкоровский» «Марш охранных отрядов» Тойво Куулы. Композитору свой марш нравился больше, а егеря, разумеется, восхищались маршем Сибелиуса в их честь. Кроме того, Тойво считал, что роль крестьянской армии Остроботнии в победе белых над красными была важнее роли обученных военному делу егерей. Тойво говорил по-фински,

ему отвечали на шведском, обвиняя в том, что пока егеря воевали, он размахивал дирижерской палочкой перед русскими. Прозвучала фраза: «Германия превыше всего!» В ответ – из уст Куулы: «Финляндия – превыше всего!» Жаркий спор перерос в драку. Один из офицеров ударил Тойво кулаком в лицо, тот схватился за финку и ранил егеря – поцарапал ему шею. Поднялся шум, раздались призывы свершить возмездие за пролитую егерскую кровь. Оценив серьезность ситуации, Тойво обратился в бегство, но споткнулся и упал. Кто-то из преследовавших его егерей выстрелил Тойво в затылок. По некоторым сведениям, в это время на Центральной площади находился наблюдавший всю картину Маннергейм, но не вмешался.

Тойво опознали и доставили в местную больницу. Раненый, полупарализованный, с дикой головной болью, с простреленным черепом (пуля прошла навылет и вышла в уголке глаза), – Тойво прожил две с половиной недели. Иногда он приходил в сознание и говорил с Алмой. Она записала каждое его слово, оставив шокирующий документ, свидетельствующий борьбу жертвы убийства с надвигающейся кончиной и отчаяние боготворящей своего супруга женщины. Тойво понимал, что в него стреляли преднамеренно. Алма с горечью писала о том, что никто им не помог, никто не выразил сочувствия; власти просто замолчали этот случай.

Алма ни на минуту не отходила от постели мужа. Какое-то время рядом с Тойво лежал офицер, раненный им в тот злополучный вечер. Историю, бросавшую тень на победу белых, замяли. Суда не было, хотя по странному стечению обстоятельств стрелявший в Куулу егерь погиб уже в мае, до кончины композитора

18 мая 1918 года. Позже при невыясненных обстоятельствах в районе архипелага Ваасы утонул другой участник убийства. Судить было некого. Но пока не умер последний из егерей, они оставались в истории Финляндии героями, хотя Маннергейм тоже слыл героем. А Финляндия, участвуя в войне на стороне проигравшей Германии, дважды выходила из сложившейся ситуации практически без потерь.

Рефлексия, или Гимн огню

– Пострадали, как и в случае с расстрелянными выборжанами, граждане Советской России, говорившие по-фински, – расставляет Эмма точки над «i». – Население Карельского перешейка, несколько столетий, с допетровских времен, жившее на этой территории, – финны-ингермаландцы. Их, если не истребили, то рассеяли по Северо-Западу России и по Сибири, сослали. Даже географические названия современной Ленинградской области полностью изменены, т. е. территория зачищена. Корни практически устранены. Только север – Северное Приладожье – в некоторой степени сохранил свой финский колорит ввиду его принадлежности Карелии.

С другой стороны, красные финны, с одобрения Ленина строившие на территории Карельской коммуны свой вариант Великой Финляндии в составе Советской России, собирая под знамена финнов из Канады и Северной Америки, тоже были практически истреблены.

Сталин предпочел превратить Соловецкие острова в концлагерь, построить Беломорканал силами заключенных, а из Карелии сделать интернациональное место заключения. Тем не менее, остатки красных финнов в лице Отто Куусинена, на-

пример, послужили разменной монетой: создали в районе Сестрорецка на территории Финляндии, с центром в Териоки (современном Зеленогорске), просоветскую республику, призвавшую советские войска на помощь, – в результате чего началась Зимняя война, и Карельский перешеек с Северным Приладожем – так называемая Старая Финляндия – влились в состав Карело-Финской ССР. Такой раскол был в Финляндии из-за Гражданской войны! Столько беженцев, вдов, сирот, разочарованной интеллигенции, шокированной победившей – белой – стороной! Но по иронии судьбы нападение на Финляндию в 1939 году привело к гармонизации, к сплочению нации. И хотя войну финны проиграли, лишившись части территории с важными рунопевческими традициями, – потеряли важную историческую часть, на которой строилось самосознание нации, а также Виипури – второй по величине город, с могилой Агриколы, автора первой библии на финском языке, – независимость они не утратили, а укрепили. Кроме белых и красных в Финляндии оставался и рос довольно большой пласт населения, державшего нейтралитет, защитившего в сложившейся ситуации гуманитарные ценности и позволившего с честью выйти из войны на стороне Германии, равно как найти ресурсы для примирения враждующих сторон. Возникли женские движения в защиту мира и сильные придерживающиеся нейтралитета профсоюзные движения, выровнявшие правый крен в сторону общечеловеческих ценностей, левый – в сторону здорового патриотизма.

В тридцатую годовщину со дня смерти композитора, 18 мая 1948 года, было создано Финское общество Тойво Куулы. В 1952 году имя Т. Куулы присвоили Музыкальному учи-

лищу в городе Вааса. В 1963 году в парке в Вааса установлен памятник работы Вяйне Аалтонена. В Хельсинки в Парке Т. Куулы есть бронзовый памятник композитору, подаренный столице Финским обществом Т. Куулы. На могиле Тойво и Амми в Хельсинки, на кладбище Хитетаниemi, стоит памятник работы Алпо Сайло, автора памятника Рунопевцу в Сортавале и памятника Ларин Параске в Хельсинки. В Выборге на Театральной площади (бывшей Центральной) есть фонтан – «Медведь»: часть скульптурной группы из двух медведей, находившейся у здания вокзала, разрушенного в годы Второй мировой войны, и сегодня относящихся к объектам культурного наследия Российской Федерации.

Древние финны отмечали праздник, посвященный успешной охоте на крупного зверя – медведя или лося. (Второе – неофициальное – название праздника: похороны.) Тойво Куула работал над балетом, посвященным этому языческому действию, описанному еще в «Калевале». Кроме символического «Медведя» на месте убийства Тойво Куулы в Виипури других памятников композитору в современном Выборге пока нет, однако сегодня в Выборге хоры исполняют его песни в рамках всенародных состязаний «Певческое поле». Музыка Тойво Куулы звучит, пользуется популярностью, а воображение слушателей поражает случившаяся в Виипури трагическая история с мистическим оттенком, бросающая тень на победу в войне за новое государство. Был период, когда в Финляндии говорить про Гражданскую войну считалось дурным тоном, как в современной Чили, например, – про симпатии и антипатии к С. Альенде и А. Пиночету.

Однако пришло время, когда все пострадавшие в ходе этих событий получили извинения от правительства, а также выплаты, как прошедшая концлагерь Эммина тетя, например. Страна через иммиграцию попыталась вернуть своих граждан, лишившихся родины из-за Гражданской войны. В первую очередь это касалось жителей Советского Союза, потомков красных финнов и ингерманландцев с Карельского перешейка. Насколько они смогли стать в Финляндии своими и что будет с ними дальше, это вопрос, поскольку их все еще считают русскими. Тем не менее, на государственном уровне такой шаг был сделан. Финляндия не отказалась от своих детей и от их потомков до третьего колена.

Что касается трагической гибели Тойво Куулы, Эмма вспоминает две цитаты: «Не стреляйте в пианиста: он играет, как умеет» и «Поэт всегда над нацией, но под богом», – а также один из посылов, содержащихся в поэме В. Некляева «Проща» (В. Некляев некоторое время жил в Финляндии, куда ему удалось выехать при содействии Белорусского ПЕН-центра, а именно – Карлоса Шермана.):

Пазабыўшы нябыт, ты з'явіўся на свет,

Каб свету здзівіцца.

*Калі ты званар ці калі ты паэт,
Жыві на званіцы.*

*Няхай на зямлі хоць патоп, хоць пажар,
Хоть ліха ды войны,
Калі ты паэт ці калі ты званар,
Ты лішні, ты вольны.*

*Няма ў цябе тут ні сяброў, ні радні,
Няма і не трэба.
Усе твае там, дзе сляпяя агні
Халоднага неба.*

*Усе твае там, тут нічога твайго,
Ты сведкаю толькі
Нябытнасці свету, вар'цтва яго
Ад бойкі да бойкі.*

Эмма Прибыльская считает, что Поэт творит в состоянии измененного сознания, не соответствующего его бытовому сознанию, его политическим взглядам, и тем не менее, правильно расставляет приоритеты. Вспомним «Калевалу» с ее «мне навел песен ветер, принесли морские волны». Композитор переводит в ноты приходящее к нему извне: родную природу, как в случае Тойво Куула; родные мифы. То, что ему дано уловить, он делает мировым достоянием, достоянием человечества. С точки зрения Космоса – в этом его главное предназначение. А если обстоятельства сложились так, что его миссия оказалась сорванной, кто теряет больше? Близкие. Народ. Культура. Куда девается уловленное, звучащее в голове, но не успевшее лечь на бумагу произведение? Какой мистический урок несла внезапная гибель многообещающего талантливому творца? Кому это было наказанием? Ему? Его стране? Его народу?

Убийство в Виипури переключается с убийством в Гранаде, с безвременной смертью Федерико Гарсии Лорки: оба Творца погибли не столько по своей вине (каждый из них мог уехать, но остался; вел себя так, а не иначе), – сколько из-за того, что попали во внутренние разборки соотечественников, в жернова гражданской войны. В обоих случаях поражает контраст между высотой не реализованного до конца творческого потенциала и низменностью прозаических мотивов убийц. А случайных смертей не бывает. Тем более, в судьбоносное время. Николай Рерих в 1918 году находился на территории Финляндии, в районе Сортавалы (Сердоболя), на острове в Ладожском озере, и писал о том, что происходит большой перелом, собы-

тия космического плана, а на таких переломах, как правило, приносятся большие жертвы.

Прошло сто лет. И точно так же чувствуется близость перелома. Николай Рерих – автор идеи и инициатор Пакта Рериха, первого в истории международного договора о защите культурного наследия, установившего преимущество защиты культурных ценностей перед военной необходимостью. Памятники мировой культуры гибнут в жерлах конфликтов: культура беззащитна, хрупка и при этом является достоянием человечества. Утраты невосполнимы. И материальные объекты, и творческая личность уникальны, но если материальный объект иногда можно реставрировать, то творческая личность пропадает навсегда, и то, что она не успела сделать, утрачено безвозвратно. Должно призывать человечество с уважением относиться к собственным Божьим Искрам и Божьим Искрам несобственным, горящим по Промыслу Божьему, поскольку идти против провиденциальных сил – себе дороже. Провиденциальные силы действуют на уровне народов и государств, и, если по воле космических сил вершится крутой поворот, то неизбежно страдают, казалось бы, невинные, но не беспричинно.

Мистицизм: Тойво – надежда, Куула – пуля. В качестве псевдонима Тойво выбрал прозвище отца, участвовавшего в русско-турецкой войне в составе российской армии. Взял псевдоним – и получил пулю в голову: что-то мистическое в этом есть.

– Где бродила душа Тойво Куулы? – задается вопросом Эмма. – Уверена, что дорогами Калевалы. Уверена, что он встретил свою умершую в раннем возрасте дочь – Аунэ, которой посвятил «Плач по дочери из руны «Кантелетар». Уверена, что звучала музы-

ка – написанная и не. Мог странствовать в прошлом и будущем и прилететь за женой на парусной лодке-облаке, как в «Песне Синики». И видеть, что музыка его, взятая от природы, пронизанная калевальским мироощущением, не забыта не только в Финляндии: ведь «Калевала» – достояние мировое. И Тойво почитают во всем мире как трагически погибшего романтика.

Почему его душа витала над Землей две с лишним недели? Чтобы понять что-то? С головой, пробитой пулей навывлет, редко кто выживает. Он хотел взглянуть на мир шире узконационального? Понять, где был не прав? Увидеть, что сделанное им не будет потеряно? Раскаяться в том, что потеряно то, что не сделано? Потеряно для человечества – не для природы, не для Высших Духовных Материй. Музыка Сфер не умирает, а ждет, когда снова родится тот, кто сумеет донести ее до своего народа и человечества, – но какой это будет народ и какая это будет музыка?

Возникают ассоциации с фильмом «Мертвец» независимого американского режиссера Джима Джармуша. Практически в первых кадрах фильма молодой кливлендский бухгалтер, Уильям Блейк, получает пулю в грудь, и весь фильм движется он по Дикому Западу к Тихому океану в сопровождении индейца-отшельника по имени Никто – изгоя своего племени, научившегося выживать в одиночку; принявшего парня за «мертвеца» – своего любимого покойного английского поэта – и помогающего «бледнолицему» с честью переправиться в мир духов. В финале Уильям Блейк уплывает в открытое море в индейской лодке, устремленной к границе воды и неба.

Душа композитора Тойво Куулы путешествовала, чтобы умереть правдиво. И судя по оставленной по

себе памяти, по нашему отношению к его творчеству, ему это удалось.

Забывтым стежком полотна?

Тогда же, в апреле 1918 года, Эмма Мария, родная тетя Алмы, с мужем и тремя дочерьми, навсегда покинула Финляндию. Муж тети, Густав Саурэн (прадед Эммы Прибыльской; Аунэ Густавовна, бабушка Эммы по линии отца, в ту пору была семилетней девочкой), работал в железнодорожных мастерских города Рауту (Сосново) и стал командиром местного красногвардейского отряда. Одна из старших дочерей Эммы Марии и Густава, 17-летняя медсестра этого же отряда Лидия Эмма, попала в плен к белым и три года провела в концлагере. Там ее цинично стерилизовали. После возвращения девушки из лагеря родственники, в массе своей, от нее отвернулись, и только старшая сестра, брат отца и сестра матери – в отличие от всех остальных многочисленных (набожных!) родственников, – помогли девушке вернуться к нормальной жизни. Лидия Эмма вышла замуж за вдовца с ребенком, стала серебряных дел мастером, как ее родной дядя Пекка Сильвентойнен, и работала в Савонлинне, в калевальском стиле.

В хрущевскую оттепель Лидия Эмма через Красный Крест разыскала сестер в Советском Союзе и узнала, что отец еще в 1925 году надорвался от тяжелой работы на Металлическом заводе, а мать умерла в 1942-м от голода в блокадном Ленинграде. При встрече в Петрозаводске Лидия Эмма подарила сестрам одинаковые амулеты собственной работы.

В оставленном Лидией Эммой альбоме, кроме фото не предавших ее самых близких, хранятся вырезки из газет. Лидия Эмма боролась с ностальгией, отслеживая судьбу родственников по линии брата матери. Со страниц альбома глядят на нас Алма, Тойво и Синикка, сестра Алмы – Ойли Сииканиemi, певица, снявшая

в посвященном возрождению страны фильме-концерте «Скажи это на финском», состоявшем из двадцати отдельных художественных номеров. Премьера фильма состоялась в кинотеатрах Хельсинки и Турку в 1931 году. До наших дней фильм не дожил.

– Не хочется снова наступать на те же грабли, а ситуация складывается именно так: есть риск остаться со своими детьми по разные стороны границы, – заключает Эмма. – Хочется, чтобы культура повсеместно стала главнейшим из приоритетов. Чтобы нации думали о человечестве, а не пропальывали в порыве эгоизма сиюминутных побуждений историю, географию местности, где они провозгласили себя хозяевами, забыв, что в исторической перспективе, по временной шкале, они здесь – калифы на час, где что-то было до них и что-то продолжится после. И будет ли это единая линия или просто забытый стежок, не имеющий никакого отношения к общему замыслу полотна, судить не им и не сейчас.

Примечания:

Процца (белорусское «прошча») – святое место, благодатное место: криница или камень – наделяемое людьми необыкновенными свойствами и силой, в радиусе которого происходят умом непостижимые, связанные с верованием в высшие силы, события. Вероятно, образовано от главного христианского слова – «прощать». Белорусская версия также – от «напрямик», «прямо» (направление, указанное Божьей Матерью заблудившейся в лесу девушке).

Лоркианский трином – любовь, смерть, искусство: три темы, достойные пера Творца.

Ольга Равченко, член МГП

КЕТИ БАТИАШВИЛИ

МУЗЫКА ЖИВОПИСИ

Дорогие друзья, вы, конечно, помните интервью в нашем журнале со звездой грузинской архитектуры, академиком Международной академии архитектуры, профессором Гиги Батиашвили. Во вступлении я отметил, что дочь батони Гига, Кети – замечательный художник. Рад представить вам несколько ее картин – с большим трудом отобранных из того, что ею сделано на сегодня – ибо все, что я видел, производит самое глубокое впечатление. Этой мини-выставке (больших выставок у калбатони Кети была уже не одна и не две) предпосылаю блиц-интервью с художником.

Моисей Борода,
член Союза писателей Грузии и
Международной гильдии писателей,
Посланник грузинской культуры

Автопортрет

Блиц-интервью с художником

Моисей Борода: Когда вы начали рисовать?

Кети Батиашвили: Рисую с тех пор, как себя помню. Дома хранятся старые рисунки. На них приписано маминой рукой: Кети 3 года.

Моисей Борода: Оказал ли на вас как художника влияние ваш отец? Ведь он не только звезда архитектуры, но и замечательный художник.

Кети Батиашвили: Гига, то есть папа? Я бы сказала, это не влияние, это база, на чем я стою.

Моисей Борода: Влияет ли как-то на ваше творчество художественная литература, прочитанные книги?

Кети Батиашвили: Не в прямом смысле – да. Вообще всякое творчество как-то влияет. Даже путешествие влияет на мое мировоззрение.

Моисей Борода: Жанр, в котором вы с удовольствием работаете?

Кети Батиашвили: Безусловно – портрет! Но я себя, тем не менее, жанрово не ограничиваю, мне интересно все – даже раскрашивать стены.

Моисей Борода: Можете о себе сказать: Я – грузинский художник.

Кети Батиашвили: Я грузинский художник!

Моисей Борода: В каком плане ваше творчество это проявляет?

Кети Батиашвили: Наверное, это колорит.

Моисей Борода: Ваши любимые художники?

Кети Батиашвили: Питер Брейгель, Тулуз-Лотрек, Джотто, Эль-Греко. Эти художники на разных стадиях моего развития влияли и определяли мой вкус. И еще, Кетеван Магалашвили – изумительный грузинский художник-портретист. Думаю, что мой интерес к портрету связан с ее творчеством.

Моисей Борода: Ваше отношение к музыке?

Кети Батиашвили: Отношение к музыке изумительное! Мама у меня скрипачка. Родственники с ее стороны – почти все музыканты, и со стороны папы тоже многие, так что у нас музыка везде и повсюду.

Моисей Борода: Как вы относитесь к выражению «Музыка живописи», имеет ли оно для вас смысл?

Кети Батиашвили: Да, «Музыка живописи» – это определенно так! Живопись, если она по-настоящему талантлива, имеет свою гармонию, свой ритм, свое звучание. Живопись притягивает к себе и даже умеет говорить!

Белое платье

Цветок граната

Отражение

Маленький клоун

Японская женщина

Путешествие во сне

ПОЭТИЧЕСКИЙ САЛОН

ВИКТОРИЯ ЛЕВИНА

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ МЕРТВЫХ ДУШ

Да, мои добрые читатели, вам бы не хотелось видеть обнаруженную человеческую бедность. Зачем, говорите вы, к чему это? Разве мы не знаем сами, что есть много презренного и глупого в жизни? И без того случается нам часто видеть то, что вовсе не утешительно. Лучше же представляйте нам прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы! «Зачем ты, брат, говоришь мне, что дела в хозяйстве идут скверно? – говорит помещик приказчику. – Я, брат, это знаю без тебя, да у тебя речей разве нет других, что ли? Ты дай мне позабыть это, не знать этого, я тогда счастлив». И вот те деньги, которые бы поправили сколько-нибудь дело, идут на разные средства для приведения себя в забвенье. Спит ум, может быть, обретший бы внезапный родник великих средств; а там имение бух с аукциона, и пошел помещик забываться по миру с душою, от крайности готовою на низости, которых бы сам ужаснулся прежде.

Н. В. Гоголь «Мертвые души»

Да, мой читатель добрый, я о том,
о чем молчать пристало в нашем мире –
о неприглядной бедности в квартире
с облезшим и нерадостным котом,

с «убитой» обстановкой, где диван
играет роль ковчега, где обои
при жизни не меняются, и боле –
передаются в дар, как талисман,

потомку или съемщику, где стул
на кухне проломляется под весом
случайно приблудившейся принцессы,
забывшей суть горошин и аул.

К чему я это? Разве нам менять
привычной жизни бег и тон уклада,
не нами заведенные когда-то,
искореняя бедности печать?

Презренно, глупо. Видеть не хочу
недостающих досок на паркете.
А чтоб не видеть грязь при ярком свете –
зажжем светильник слабый и свечу.

Я – Гоголь, братцы, я из «Мертвых душ».
На суд высокий привожу цитату.
А то, о чем я написал когда-то
в столичной «двушке», нынче обнаружь...

Давайте о любви и о душе.
Про деньги не хочу – я туп в финансах,
не мне судьба дает свои авансы,
я слаб и болен, глуп и стар уже.

Спит ум унылый. Денег не нашел.
А если бы нашел – пропил бы с ходу,
как верный сын наивного народа,
кто, сидя на богатствах, нищ и гол.

ВАЛЕНТИНА ЧАЙКОВСКАЯ

Играют в прятки свет и тень
На листьях розы,
Тихонько шепчет что-то день
Кусту мимозы,
И полудремный наш хамсин –
Свояк Востока,
Сняв пару пыльных мокасин,
Ушел до срока...

АЛЕКСАНДР РОСТОВСКИЙ

Искрится снег алмазной пылью,
скрипит песком под сапогом,
деревья в хрустале застыли,
над замороженной землей
вороньи стаи в небе кружат,
метель над мостовою выюжит,
на лапах елей хлопья снега,
скрип санок, всюду детский смех,
по краю тротуаров снег,
зима победу торжествует,
и жизнь не замирает в стужу,
бурлит, как водопад,
коньки, сугробы, санки,
повсюду детвора.
Отличная пора!..

ЭВЕЛИНА ЦЕГЕЛЬНИК

ОБЛАЧКО-ЛЕТО

Пузырями покроется лужа,
Задымится на небе лазурь,
Ниоткуда надвинется стужа,
И охватит все ржавая хмурь.
Синеватое облачко-лето
Уплывет за пустынный плес.
И застонет, замечется где-то
Ветер, будто потерянный пес.
Серебрится трава луговая,
И туманится поле дождем,
И лягушки в пруду замирают:
Уж не квакать им солнечным днем!
Белотелые гнутся березы,
Провисает намокший лопух.
А в деревне не высунут носа,
Квелы куры, не весел петух.
Пузырями покроется лужа,
Задымится на небе лазурь,
Ниоткуда надвинется стужа,
И охватит все ржавая хмурь...

АЛЕКСАНДР РОСТОВСКИЙ

Солнце, небо, ветерок,
под окном сосна стоит,
ветер хвою шевелит,
птичка серая поет –
длинные, короткие трели выдает.
На душе ни то, ни се,
даже трели соловья
мало трогают меня.
Солнце, небо, ветерок,
нет ни счастья, ни несчастья,
птичка серая поет –
трели нежные плетет.
Так о чем я здесь писал?
Соловья я прославлял.
Ведь достаточно ему
неба, солнца и сосны,
чтобы радоваться жизни,
прославлять весну.
Человеку больше надо:
Неба, солнца и сосны –
недостаточно ему.
Дай ему здоровья, денег,
ордена, почет, любовь,
ну и всячины другой.
Ненасытен человек.
Птичкой этой быть хочу,
чтобы солнце, небо и сосна –
вдохновляли и меня
радоваться жизни,
прославлять весну.

ВАЛЕНТИНА ЧАЙКОВСКАЯ

ПРОСТО ЛЮБОВЬ

Нам кажется, родной, что все вокруг нелепо:
Зима и суета, и шепот за спиной.
И лишь любовь вольна вздыматься птицей в небо,
Туда, где вечна жизнь за призрачной стеной.

Вот полная Луна юлой ушла за тучи,
То спрячется, смеясь, то краешком блеснет,
И чем темнее ночь, тем наши мысли круче.
Продрогшая душа к твоей все ближе льнет.

Нам и в ночи светло, как будто днем, любимый.
Форелью тишина в созвездье Рыб плывет,
Чтоб жестом плавника почти неуловимым
Поведать о любви, что на Земле живет.

ПОЭТИЧЕСКИЙ САЛОН

ГЛЕБ ПУДОВ

Однажды под вечер в автобусе ехал
среди туристических групп
одетый в пальто с неглубокой прорехой
обычный задумчивый труп.

В окошко глядел и зевал понемногу,
до смерти стеснялся себя,
порою отшвыривал руку или ногу,
на ближних людей не смотря.

А что было дальше?
Он просто приехал
и вышел на улицу вон.
Никто не заметил какой-нибудь фальши:
все были мертвее, чем он.

АННА САГАРМАТ

СПИ, ЛЮБИМЫЙ!

Заалело рассветное утро,
Заглянуло в окошко лучом,
В нежных бликах его перламутра
Профиль милого виден, плечо...
Я тихонько закрою окошко,
Занавешу сукном осторожно,
Посижу у постели немножко,
На душе мне сегодня тревожно.
Не гони меня, утро, рассветом,
Я с любимым в серебряном сне.
Подышу на него мягко ветром,
Он ответит улыбкою мне...
И в покое таком безмятежном
Утро алое встретим вдвоем.
Перламутром окутанный нежно,
Спит любимый под пологом-сном.
Когда рядом он в сладкой истоме,
Все тревоги меня покидают,
И покой воцаряется в доме,
Херувимы на гусях играют.

ВАЛЕНТИНА БЕНДЕРСКАЯ

Дом еще живет и дышит
Ранним утром акварельным
Сном таинственным под крышей
И томлением пастельным.

Еще бури и прибои
В нем бушуют, как и прежде...
Только желтые обои,
Как потертые одежды.

Только трещин паутина
Расползлась по штукатурке,
И в пруду заросшем тина,
Словно бархат на шкатулке.

Малахитовая зелень
Обнимает дом снаружи,
Зев оконный в нем побелен
Отпечатком нежных кружев.

И пока в нем бьется сердце
В ожиданье блудной дочки,
Я сюда приду погреться
И плести из слов веночки.

ВАЛЕНТИНА БЕНДЕРСКАЯ

Запутался ветер в моих волосах.
Он был очарован игрой светотени,
взвивался, сплетался, как травы в лесах
с опавшими листьями гривы осенней.

Он нежился в запахах пряной волны,
в их блеске, в их солнечных ярых объятьях,
пьянел от удушья, и – страстью полны –
взлетали с ним вместе оборки у платья.

Он падал к ногам моим, млея у виска,
шептал шелестеньем интимным на ушко.
Он обнял меня и, завыв, как тоска,
понесся в неведомый мир за опушкой...

ГЛЕБ ПУДОВ

СТАРЫЙ ПЕТЕРБУРГ

В снегах утопают гефесты,
ветра исполняют Кюи,
Лидваль из кирпичного теста
гостиницы лепит свои.

Огней голубых вереницы
в серебряных кубках горят,
и... лица, все прежние лица –
злословия тонкого яд.

Расчетливы, хитры любви,
вальжно-неспешны дела
у тех, кому деньги не внове,
у тех, кому жизнь не мила.

Осталось их веку немного –
портретами станут они,
под взглядом французского бога
жизнь каждому скажет: «Замри!»

ВАЛЕНТИНА БЕНДЕРСКАЯ

* * *

В левом окне – орех,	На грех полюбила я
В правом окне – рябина...	Бурю песков суховея
Я полюбила на грех	Там, где сухая земля
Отпрысков Божьего сына.	Стала святой для еврея.
Горечь рябины – яд	Там, где цветущий миндаль,
Вдовьей остывшей спальни,	Там, где скупую слезою
Сполохи красных Плеяд,	Соткана дней пектораль*, –
Словно костер погребальный.	Вновь повстречалась с судьбою.

*Пектораль (от лат. *pectus* «грудь») – нагрудное украшение, могло быть частью защитной амуниции воина.

АЛЕКСАНДР РОСТОВСКИЙ

* * *

Что есть любовь?
Ответ кто может дать?
Прекраснее души любимой не найти!
Прекраснее лица!
Для остальных – такая же, как все.
Кто может объяснить такой вот феномен?
В течении веков ответа не нашли
И сонмы мудрецов, поэты и вожди.
Мне кажется, что если и найдут, –
загадка пропадет, не будет и любви.

ЭВЕЛИНА ЦЕГЕЛЬНИК СМОЛКЛИ СКРИПКИ ЛЕТА

Выгорают косогор,
Выщвели отавы,
Холодок спустился с гор,
Пожелтели травы.
Осень – стылая пора...
Гонит листья ветер,
Обнажается кора,
Лес прозрачен, светел.
А в аллеях и садах
Мокнет разноцветье.
Отзвучали навсегда,
Смолкли скрипки лета.

АННА САГАРМАТ НЕ ЖАЛЕЮ

Много отдано мною, истрачено,
Как колодец испита до дна.
Не жалею о том, что утрачено,
Жизни опытом важным полна.
И с богатством души, не тоскуя,
Без сомнений и страха живу.
Что даровано небом, ценю я –
Луч весенний, небес синеву...
И свободу излиться стихами;
Сбросив бремя, достичь высоты
Над лугами, долами, горами...
Свой колодец набрать чистоты.

ВЛАДИМИР РАЙБЕРГ

ПУШКИН

Чернильный профиль на полях,
Перо лохматит бакенбарды...
Над полем боя свищут ядра,
Но грезит Моцарт при свечах.

Перо, застывшее у рта,
Твой взгляд исполнен зреньем сердца,
Не то чтоб приоткрыты дверцы, –
Тобой распахнуты врата.

В них друг за другом чередой –
Монах над хартией склоненный,
За ним царевич убиенный,
Вдруг Град вознесся над Невой,

У Лукоморья кот урчит,
Горазд Руслан по женской части.
Коль дремлет власть, – бери и властвуй,
Но, чур, – младенца не мочить!

Всеvyšней щедрости черед –
Быть камер-юнкером у трона,
Где ты, как Прометей прикован,
И печень Царь твою клюет.

На первый взгляд не видно ран,
Лишь тайно мысли кровоточат, –
Стрелой пронзенный Себастьян –
Он в небеса возводит очи.

Был голос с тайным зовом: виждь,
Что сотни зовов полнокровней,
И как откос пронзает стриж,
Твое пронизывает слово.

Фонтан и тихий шелест роз,
Но нет надежды на осечку...
И сквозь меня прошел насквозь
Предсмертный вздох на Черной речке.

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ НА ТРЁХ ЯЗЫКАХ

Наш трехтомник называется «Под эрой Водолея». Характерные черты ЭРЫ ВОДОЛЕЯ или что это:

- Сочетание всех верований;*
- Освобождение от иллюзий;*
- Всеобщее равенство и братство;*
- Внутренний, духовный рост вместо обогащения;*
- Работа на общий отличный результат;*
- Друзья как доказательство успешности человека.*

Многих интересует, когда началась эпоха Водолея. Это сложный вопрос. Одни астрологи настаивают, что это случилось примерно в 2000 году, другие говорят, что это событие стоит ждать в ближайшее время. Дело в том, что точки равноденствия перемещаются вдоль Зодиака медленно. Скорость этого явления составляет 1 градус в течение 71,5 лет. Один астрологический знак точки равноденствия проходят за 2150 лет. А все двенадцать ими пересекутся за 25820 лет. Данный период времени принято называть великим годом. Отрезок же времени, за который точки равноденствия проходят один знак Зодиака, именуют великим месяцем,

эрой или эпохой. Последние 20 столетий человечество существовало в эпоху Рыб. Сейчас наступает эпоха Водолея.

Начало новой эры сложно определить с точностью до года, так как речь идет об огромных интервалах времени. Отдельные астрологи считают, что зарей новой эпохи стало окончание Второй мировой войны. А весьма авторитетное астрологическое объединение под названием «Церковь света» настаивает на том, что эпоха Водолея наступила еще в 1881 году. Кейпл МакКатчен (известный астролог) утверждает, что мы вошли в новую эру в 1970-е годы. А Карл Юнг (психолог) вместе с Чарльзом Джейном предсказывали, что этот период начнется в 1990-е. Иные специалисты, такие как Сирил Фэган, на вопрос о том, когда наступит эпоха Водолея, имеют другое мнение. Так, они считают, что это судьбоносное событие произойдет не раньше 2300 года. Однако большинство астрологов единодушно признает, что уже в 2000 году наступила новая эпоха – эра Водолея.

Каким же станет этот период в жизни человечества? Многие связывают с ним большие надежды. Подсказку необходимо искать в характеристике знака. Как правило, он олицетворяет гуманность и братство. Некоторые астрологи ожидают, что в грядущей эре исчезнут отдельные государства, а люди объединятся в один народ, не признающий разделения на национальности. Миф эпохи Водолея гласит, что в это время мы достигнем мира во всем мире. Привилегии знати и богачей окажутся в прошлом. Простой человек станет полноправным хозяином жизни, а аристократами будут считаться наиболее просвещенные и преуспевающие люди.

Водолей покровительствует радиоволнам. Это знак изобретений и научных открытий. Пока невозможно вообразить – какие открытия ждут нас в следующие две тысячи лет. Но астрологи пророчат, что в числе научных достижений обязательно будут космические путешествия. Люди сумеют проникнуть далеко за пределы Солнечной систе-

мы и даже своей галактики. Они создадут поселения на подходящих для жизни планетах и масштабные космические паромы. Мир эпохи Водолея станет для человека эрой космических достижений. Он полетит к звездам, самая ближняя из которых расположена в 4,3 световых года от планеты Земля. Для сравнения: Плутон находится от нас на расстоянии всего пяти световых минут.

Человек эпохи Водолея – это думающая и весьма практичная личность, способная разумно распоряжаться природными ресурсами своей планеты. В будущем будет совершен невероятный интеллектуальный прорыв. Новые технологии позволят решить проблему истощения полезных ископаемых и энергетических ресурсов Земли. Электроника, атомная энергия, авиация принесут огромную пользу человечеству. Водолей – практичный знак, поэтому обретение знаний в эту эпоху будет не самоцелью, а способом получения реальных результатов.

Многие современные астрологи относятся к знаку Водолея с особенной теплотой, ведь он напрямую связан с этой древней наукой. Всплеск интереса к ней в последние годы очевиден. Кто-то даже назвал астрологию религией нового поколения. Предполагается, что эпоха Водолея сделает ее не секретом посвященных или нелепым предрассудком, а полноценной и уважаемой наукой, доступной каждому. Подобные надежды многим могут показаться несбы-

точными. Однако Водолей – знак желаний и надежд. Поэтому астрологи рассчитывают, что обретенные знания помогут людям открыть новые истины.

Вышеизложенные предсказания исходят из положительных качеств Водолея. Однако приметами новой эры могут стать эгоистичность, негибкость и нерешительность, свойственные этому знаку Зодиака. Человечество в своем развитии еще не преодолело негативных качеств и до появления новой расы, свободной от колебаний и предрассудков, еще очень далеко. Людям предстоит решить серьезные проблемы. Нам угрожают голод и эпидемии, глобальные войны, перенаселение. Мы без ограничений черпаем природные ресурсы, лишая Землю способности поддерживать жизнедеятельность. Наибольшей опасностью является атомная энергия. Она может уничтожить всю планету и самих людей. Научиться грамотно и разумно использовать этот природный ресурс – еще одна задача, которую необходимо решить в прогрессивную эпоху Водолея.

В наши дни много говорится о духовном обновлении человечества. Некоторые специалисты считают, что оно наступит благодаря воздействию русского этноса, который максимально совпадает с символизмом Водолея. Какие только аргументы не приводятся в пользу этой версии. Вот некоторые из них:

Загадочная и свободолюбивая русская душа, воспетая поэтами и про-

заиками, сможет всколыхнуть все лучшее в человечестве.

В России были рождены гениальные ученые (Курчатов, Менделеев, Ломоносов, Попов), которые внесли достойный вклад в развитие мировой цивилизации. А это полностью соответствует духу грядущей эры. Значит, эпоха Водолея для России – самое благотворное время.

Наша страна постоянно находится под предметным стеклом в лаборатории мироздания. Все эксперименты (общественные, экономические, социальные) проводились именно в России.

Основной задачей нашей страны в новую эпоху астрологи называют объединение всех людей в единое государство, отмену всех границ и национальных различий. Материальные ценности потеряют приоритет и заменятся духовными. В итоге человечество должно достигнуть максимального взаимопонимания и гармонии. Эпоха Водолея для России – возможность достойно проявить себя на мировой арене. Так это или нет, время покажет. В любом случае прогноз развития нашей страны в новой эре весьма благоприятен. «Русские медленно запрягают, но быстро ездят», – сказал Бисмарк. Хочется, чтобы эти слова стали пророческими.

Татьяна Королева (fb.ru)

Предлагаемый читателям сборник «Под небом Грузии», выпущенный издательством STELLA, включает прозу и стихотворения авторов-членов МПП, победителей одноименного творческого соревнования, проведенного в преддверии фестиваля литературы и искусства 2018 года, и писателей Грузии.

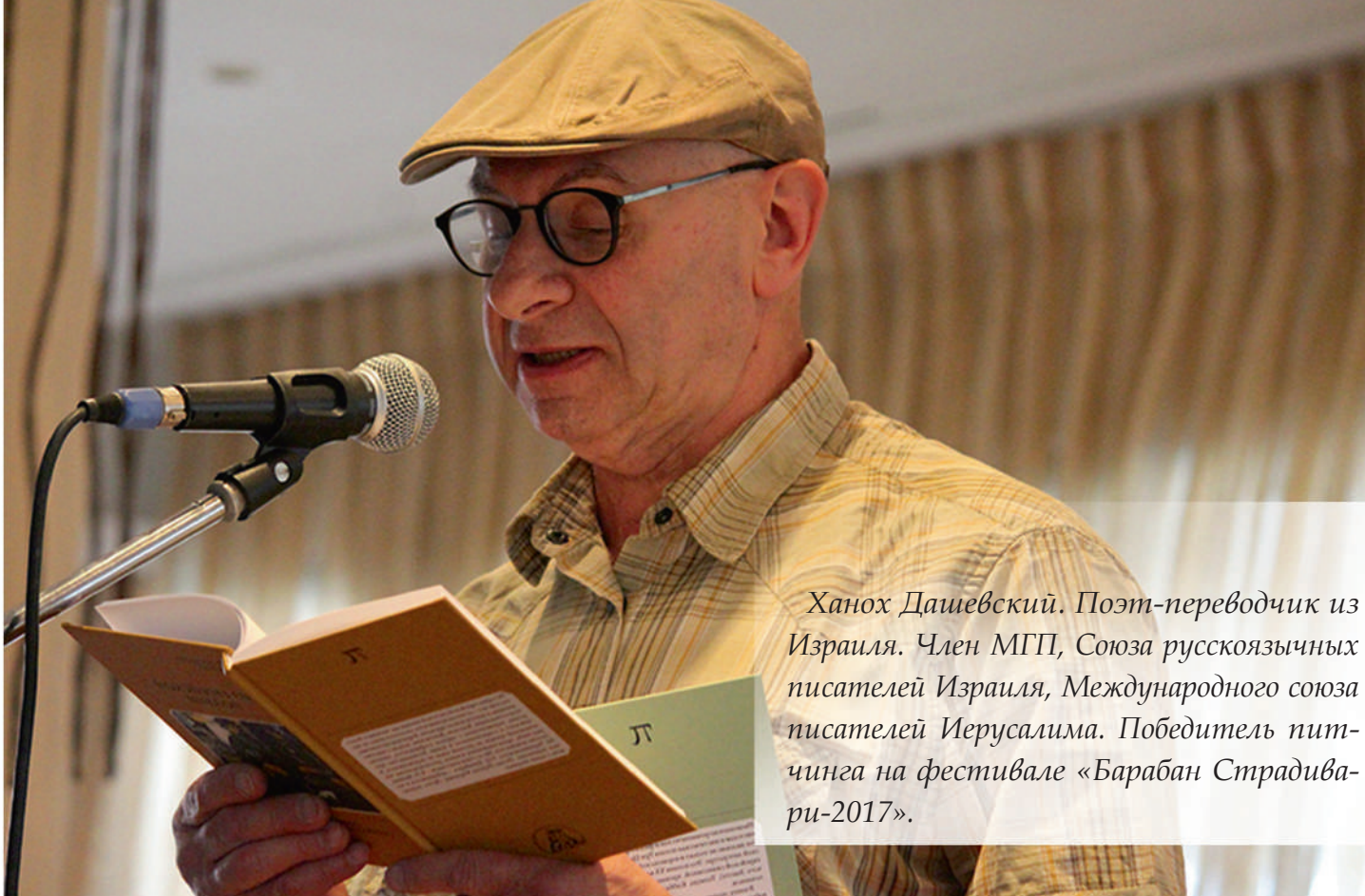
Это – третий сборник, отражающий наше сотрудничество, начало которому было положено 5 лет назад, и 3-я встреча с деятелями грузинской культуры. Предшественниками «Под небом Грузии» были вышедшие ранее сборники «Путь дружбы» (2015) и «Крестовый перевал» (2016), представленные на фестивалях культуры и искусства в Тбилиси в 2015 и, соответственно, в 2016 году.

Большая часть включенных в сборник текстов непосредственно посвящена Грузии, ее культуре и истории. Когда идея сборника и фестиваля еще витала в воздухе (но было ясно, что книга состоится), само собой родилось и название – родилось из любви, из преклонения перед потрясающей, уходящей вглубь тысячелетий культурой. Из того же восхищенного преклонения перед протуберанцами древнейшей культуры, сохранившей творческий потенциал, обнаруживая его вновь и вновь в

самых разных сферах, родилось открывающее сборник эссе «Грузинские звезды над нами горят».

Спектр представленных в сборнике жанров/тем широк: эссе о Грузии – Татьяны Кайзер, Ефима Златкина, Дины Ратнер, Романа Гершзона, Леонида Финкеля, посвященные Грузии стихи членов МПП: Ильи Ружанского, Галины Долгой, Ханоха Дашевского, Льва Альтмарка; работы, представленные в сборник победителями международного конкурса МПП «Под небом Грузии», – произведения Миланы Гиличенски, Виолетты Мининой, Елены Зинченко, Евгения Орла, Романа Камбурга, Дмитрия Корсунского, Виктории Левиной, Анны Харлановой, Галыи Рубиной-Бадьян, Михаила Богинского, Татьяны Поповой, Эвелины Цегельник, Анатолия Тарасовского, Марины Старчевской, Ирины Егоровой, Веры Сухановой, Андрея Ветрова, Риммы Ульчиной, Гарика фон Бенрата. Замечательным вкладом в сборник явилась поэзия авторов из Грузии и Азербайджана.

Хочется надеяться, что настоящая книга, как и одноименный фестиваль, будет способствовать дальнейшему сотрудничеству Международной гильдии писателей с творческими организациями Грузии и Кавказа в целом.

Ханох Дашевский. Поэт-переводчик из Израиля. Член МГП, Союза русскоязычных писателей Израиля, Международного союза писателей Иерусалима. Победитель питчинга на фестивале «Барабан Страдивари-2017».

МОЯ СТРАНА – ИЗРАИЛЬ. ОТПУСТИТЕ МЕНЯ!

Из серии

Интервью с Ладой Баумгартен

Лада Баумгартен: Ханох, давайте поговорим о вашей жизни в Латвии. В автобиографии вы пишете, что вели национально-патриотическую и диссидентскую деятельность. Насколько мне известно, жизнь евреев в Риге была довольно открытой и активной. С середины 1960 г. в городе функционировали группы по изучению иврита, а в 1970 г. был даже издан первый в Советском Союзе журнал еврейского самиздата «Итон». С 1988 г. открылось Латвийское общество еврейской культуры, с 1989 г. – первая в Советском Союзе еврейская средняя школа, затем еврейский фольклорный ансамбль «Киннор», Общество узников гетто и т.д., и т.п. Так почему же диссидентская деятельность? В чем она заключалась?

Ханох Дашевский: Жизнь евреев в Риге и в самом деле была активной, но не открытой. В советский период об этом и речи быть не могло. Изучение иврита, самиздат – все это существовало нелегально на фоне постоянного риска: можно было ли-

шиться не только достигнутого положения, но и свободы. Еврейские школы, ансамбли и общества появились и начали свободно функционировать лишь накануне краха советской системы, в поздний горбачевский период. Я получил возможность покинуть СССР в 1987 году, после того как в течение 16-ти лет мне отказывали в выезде в Израиль. Формальной причиной отказа была моя служба в армии, хотя, в действительности, это была не причина, а повод. Именно тогда, в начале 70-х, и началась моя нелегальная общественная деятельность со всеми присутствующими ей атрибутами: распространением материалов, письмами в руководящие органы, пикетами возле правительственных учреждений, слежкой и проходящими на допросы «беседами», где предупреждения сменялись угрозами и попытками склонить к сотрудничеству. И все-таки меня не посадили: думаю, что если бы дело было не в Прибалтике, а в Москве, Ленинграде или Киеве, я бы тоже познакомился с лагерем, разделив судьбу многих. Но следует

уточнить: я не был диссидентом в распространенном смысле этого слова, и не отождествлял себя с теми, кто выступал против существующего строя. Мое участие в протестном движении ограничивалось борьбой за выезд на историческую родину и еврейской культурной деятельностью. Не был я и человеком, у которого внезапно открылись глаза. Известную часть рижской еврейской молодежи, в том числе весь тот круг, к которому принадлежал и я, объединяли сионистские убеждения, и не для себя самого, а для того чтобы иметь четкую позицию в противостоянии властным структурам, нужно было выработать концепцию, и моя формулировка звучала так: «Я не против советской власти, но я еврей и жить хочу в еврейском государстве. Моя страна – Израиль. Отпустите меня!»

Лада Баумгартен: Вы также руководили нелегальным литературно-художественным семинаром «Рижские чтения по иудаике». Почему нелегальным? Что из себя представляли эти чтения?

Переводы с иврита и идиш

Ханоха Дашевского

ЛАДА и КРОВЬ

Поэзия

Ханох Дашевский: Я был только одним из руководителей семинара, и не стоял у его истоков. Руководство семинаром передавалось по эстафете: одни уезжали, а их место занимали другие. Менялся и состав участников, причем это были не только те, кто добивался разрешения на выезд в Израиль, но и те, кто не боялся интересоваться еврейской тематикой: литературой, историей и религией. Это и было основным направлением нашей деятельности и темой докладов, которые мы озвучивали на семинаре. А кроме того, мы отмечали еврейские праздники. Стремясь поднять художественный уровень, мы приглашали известных в национально ориентированных еврейских кругах лекторов из Москвы и Ленинграда. И все это осуществлялось не только без какого-либо официального разрешения, но происходило вопреки идеологическим установкам существующей системы, и поэтому, как я уже говорил, связывалось с постоянным риском. Такова была советская действительность, где почти вся еврейская культура и даже язык иврит находились под запретом. Семинар проходил на квартирах участников, в том числе и у меня на квартире, а «люди в штатском» наблюдали за входом в дом и фотографировали, готовые в любую минуту пресечь нашу деятельность.

Моя жена Мина тоже была участницей семинара. Кстати, мы там и познакомились. Удивительно, что нас не разогнали, и у меня нет исчерпывающего объяснения этому феномену. В других городах сажали, мы тоже висели на волоске – но обошлось.

Лада Баумгартен: А вообще, откуда появились евреи в Латвии?

Ханох Дашевский: Ригу строили немцы и шведы, она была торговым ганзейским городом, похожим на Бремен. Я в Бремене был и даже удивился сходству. Поэтому еврейские купцы могли появляться на берегах Западной Двины уже начиная с 13 в. Но как постоянные жители, евреи впервые появились в Латвии, в то время она называлась Лифляндией, в 16-м столетии и были выходцами из Германии и Польши. Впоследствии восточная часть Лифляндии – Латгалия вошла в черту оседлости. В западной части Латвии господствовала немецкая культура, а восток напоминал Белоруссию и был когда-то частью Витебской губернии. Между прочим, многие латгалцы носят русские имена и фамилии, хотя считаются латышами и говорят на диалекте латышского. И между евреями различных регионов Латвии тоже были культурные различия. Это были различия между европейской культурой и культурой еврейских местечек Восточной Европы. К не-

счастью, множество латвийских евреев погибло, т. к. Латвия была оккупирована гитлеровцами уже в начале июля 1941 г.

Лада Баумгартен: Евреи Риги одни из первых в Советском Союзе начали активное движение за репатриацию в Израиль. Почему?

Ханох Дашевский: Очень сильны были сионистские настроения, но больше – среди местных евреев. Те, кто поселился в Латвии после войны, относились к другой категории, на которую уже сумела воздействовать активно проводимая советской властью политика ассимиляции. Рига и до войны, во времена независимой Латвии, была центром еврейской культуры и сионистского движения, и 20 лет советской власти по большому счету почти ничего не изменили. Только после войны советская система начала по-настоящему устанавливаться в Прибалтике и не успела серьезно повлиять на не забывших и не собиравшихся забывать свои корни латвийских евреев. В 1966 г. в Риге, в первый и последний раз за время существования советской Латвии, состоялись гастроли израильской эстрады. Я был на концерте и до сих пор помню тот всплеск национальных чувств, который наблюдал в зале и на улицах города. Разразившаяся вскоре война на Ближнем Востоке и победа Изра-

ия над тремя арабскими армиями только усилили национальный подъем и выездной ажиотаж, а некоторые латыши, не слишком любившие советскую власть, поздравляли евреев и высказывали восхищение успехами еврейского государства.

Лада Баумгартен: *Как изменились вы после переезда в Израиль?*

Ханох Дашевский: Морально я был готов к репатриации: в течение многих лет готовился. И основы иврита имелись – нужно было только освоить израильскую разговорную речь, израильский сленг. И специальность была востребованная в Израиле: я занимался кондиционированием и вентиляционными системами. И об евреях и Израиле, благодаря рижскому семинару, я знал немало. Разумеется, надо было что-то менять в жизненном укладе, к чему-то привыкать, и все же я избежал моральной травмы, не испытал душевного разлада, а ведь именно на этом споткнулись многие русско-еврейские интеллигенты, да и просто русские евреи, которые никогда бы не расстались с привычной жизнью, никогда бы не уехали, если бы в России все оставалось по-прежнему. Это сейчас оттуда приезжают подготовленные к эмиграции, а не помышлявшим об отъезде лояльным советским евреям, которым неожиданно пришлось все бросить, было очень и очень трудно. И когда в начале 90-х чуть ли не миллион евреев хлынул из распадающегося Союза в Израиль, мы с женой, приехавшие всего за 3 года до этого, но «идеологически подкованные», чувствовали себя опытными старожилками по сравнению с выброшенными на незнакомый берег растерянными людьми, еще не успевшими полностью осознать, что с ними произошло.

Лада Баумгартен: *Ханох, скажите, пожалуйста, когда и почему вы решили стать писателем?*

Ханох Дашевский: Я ничего не решал, Лада. Сам удивляюсь тому, как все получилось. У меня был хороший литературный слог, за изложения и сочинения я получал пятерки.

И, как положено, в юности писал стихи. Но я не собирался возделывать поле, и без того щедро удобренное безоглядно стремившимися в русскую культуру евреями. И хотя со школьных лет я любил русскую литературу, особенно поэзию, мой личный компас указывал на Иерусалим, и в реакционной царской России у евреев существовала культурная автономия, и даже по-русски можно было свободно писать на еврейские темы, а в семье «равноправных» советских народов такой возможности не было. Кроме того, я не относился к своим литературным попыткам серьезно. В течение длительного времени последнее, о чем я думал, – это о том, что начну заниматься творческой деятельностью. И то, что со мною произошло, лишней раз ставит под сомнение постулат, что человек сам является хозяином своей судьбы. Что-то стоит за нами, и я не раз убедился в этом.

Лада Баумгартен: *Какими были первые шаги на литературном поприще?*

Ханох Дашевский: В рамках рижского семинара я впервые начал переводить еврейскую поэзию. Переводил с иврита. У нас имелись оригиналы, но не хватало переводов. Мои опыты понравились, хотя это были слабые, ученические попытки при отсутствии необходимых знаний, как в области языка, так и в области поэтического перевода. В Израиле я обо всем забыл, не до этого было, и только несколько лет тому назад вернулся к переводам, потому что случайно увидел в каком-то русскоязычном издании подборку стихов знаменитого еврейского поэта, прекрасных в оригинале и корявых в переводе. Меня это задело, и я неожиданно для себя сам перевел эти стихотворения, а за ними стал переводить и другие. Мне казалось, что у меня получается, но я понимал, что необходим наставник, который укажет на недостатки и даст профессиональную оценку. Так я вышел на сайт «Век перевода» – мастерскую

для начинающих, и его руководителя, выдающегося поэта-переводчика Евгения Витковского. Его советы, а также замечания других профессионалов помогли мне понять типичные ошибки, которые я совершал. Именно благодаря поддержке Витковского и других, мои переводы стали «выравниваться» и приобретать вид законченного литературного произведения, каковым являлся оригинал. И когда сам мэтр сравнил мои переводы с переводами поэтов «серебряного века», в частности, с переводами В. Ходасевича, это стало серьезным достижением. Кроме того, я понял главное: для того чтобы стихотворный перевод действительно стал поэтическим, нельзя слепо идти за словом автора, нельзя оставаться рабом оригинала. Не за автором надо идти, а наравне с ним – наравне, но не впереди. Тогда можно надеяться на успех. Одним словом, точно по В. А. Жуковскому: «Переводчик в прозе – раб, а в поэзии – соперник». Я бы еще добавил: соавтор. И Самуил Маршак тоже писал, что стремление к буквальной точности ведет к переводческой абракадабре, к насилию над своим языком, к потере поэтической ценности переводимого, а с другой стороны, чрезмерно вольное обращение с текстом подлинника, так облегчающее работу переводчика, сплошь и рядом приводит к искажению оригинала, к обезличиванию, стирающему его индивидуальные и национальные черты.

Лада Баумгартен: *Сегодня вы поэт-переводчик. Ваши изумительные переводы вошли в сборник, выпущенный в Германии в издательстве STELLA за победу в питчинге на фестивале «Барабан Страдивари-2017», который был организован Международной гильдией писателей. Расскажите, пожалуйста, нашим читателям кого вы переводите, почему именно этих авторов?*

Ханох Дашевский: Перевожу, в основном, с иврита, но не современных израильских поэтов. Знаете, Лада, ментальные различия все-таки существуют. Ведь израильтяне – это нормальные люди, родившиеся в своей

стране, среди своего народа и говорящие на своем языке. У них нет комплексов, характерных для евреев рассеяния. Это евреи – но другие евреи, которым очень мало подходит распространенный и нашедший отражение в массовом сознании стандартный еврейский стереотип. И не то чтобы мне это не нравилось, наоборот, но для поэтического перевода мне гораздо легче «войти» в поэта еврейской диаспоры, даже жившего тысячу лет назад, чем в поэта – коренного израильтянина. Любимый мною выдающийся израильский поэт Ури Цви Гринберг, чьи произведения составляют значительную часть моих переводов, родился в Галиции, и хотя прожил долгую жизнь в Израиле, по мироощущению остался, прежде всего, евреем, хотя и родившимся в традиционной еврейской среде, но – в стране другого народа. И он, настоящий кудесник иврита, столько сделавший для утверждения нового поэтического языка в израильской литературе, жаловался на непонимание, возникавшее между ним и молодыми израильтянами. Если я и перевожу израильских поэтов, то родившихся в диаспоре и ставших первым поколением израильских литераторов. Помимо этого, я стремлюсь представить на русском языке еврейских поэтов, живших в 19-20-м вв. в России и писавших на иврите. Большую часть этих поэтов переводили мало, многие из них русскоязычному читателю вообще неизвестны, но если бы не их творчество, иврит не возродился бы в качестве языка светской литературы, а в дальнейшем – и в качестве разговорного языка. А почему так важно переводить их произведения на русский? Потому что много десятилетий наши знания об еврейской литературе ограничивались Шолом Алейхемом и куцым набором разрешенных к упоминанию авторов, писавших на языке идиш. О том, что 100-150 лет тому назад в Восточной Европе существовала богатая литература на иврите, в том числе и поэ-

зия, мы, живя в СССР, понятия не имели. Это часть нашей культуры, которая называется эпохой просвещения и национального возрождения, но парадокс в том, что, даже овладев современным ивритом, читать поэтов этой эпохи трудно: у современного языка фонетика другая. В Израиле был в свое время принят за основу иврит восточных еврейских общин, и он довольно сильно отличается от иврита, которым пользовались в Европе. В Риге были люди, которые европейский диалект знали, и я учился у них, чтобы правильно читать оригиналы, потому что многие еврейские поэты пользовались именно этим диалектом. Кроме переводов с иврита у меня есть две большие поэмы, переведенные с идиша, а также переводы с испанского, украинского и грузинского языков. Переводы с грузинского я специально сделал для фестиваля «Под небом Грузии», и это единственный случай, когда пришлось переводить по чужому подстрочнику.

Лада Баумгартен: *Есть ли какие-то особенности в вашем рабочем процессе, как вы творите?*

Ханох Дашевский: Работаю, главным образом, во второй половине дня и вечером, за обычным столом, пользуюсь ноутбуком. Все просто. Кабинет не оборудую: не люблю кабинеты. Иногда работаю в Национальной библиотеке Израиля, если нужны материалы, которые можно найти только там. Так было с переводом поэмы великого еврейского поэта Пецца Маркиша «Куча». Маркиша переводили много, и эта поэма оставалась едва ли не единственным крупным произведением поэта, которое не было переведено. Оригинал на языке идиш являлся библиографической редкостью, и только в Национальной библиотеке мне удалось его обнаружить.

Лада Баумгартен: *Скажите, Ханох, что для вас МГП, членом которой вы являетесь?*

Ханох Дашевский: Увидел в интернете на Фейсбуке приглашение в

альманах «Созвучье муз» и зашел на сайт организации. Ознакомился с условиями, вступил в гильдию и очень доволен: участвую в мероприятиях. В прошлом году принимал участие в прекрасно организованном фестивале «Барабан Страдивари», в этом году – в фестивале «Под небом Грузии». Я считаю, что МГП – одна из лучших литературных организаций, объединяющая литераторов России и Русского зарубежья.

Лада Баумгартен: *А что вас интересует помимо литературы?*

Ханох Дашевский: Интересует история, поэтому, помимо переводов, занимаюсь исторической публицистикой. На основе ряда статей хочу написать книгу.

Лада Баумгартен: Ханох, а бывают ли моменты, когда вас покидает вдохновение (теряете веру в себя)?

Ханох Дашевский: Вери не теряю, а вдохновение... По-моему, работать нужно. Заставлять себя садиться за стол, и вдохновение придет.

Лада Баумгартен: *О чем вы мечтаете?*

Ханох Дашевский: Не об успехе, не об известности, а только о том, чтобы осуществить свои замыслы и не краснеть за свое творчество.

ОЛЯ

ПОПЫТКА ЭССЕ С ПИСЬМАМИ И ОТСТУПЛЕНИЯМИ

4 сентября 2006 года скончалась Ольга Бешенковская – большой самобытный русский поэт. Отношение к личности и ее творчеству определяется тем интересом, который не угасает и после физической смерти. У Ольги Юрьевны и по сей день тысячи читателей и почитателей. В августе прошлого года увидела свет книга, посвященная памяти Ольги Бешенковской, «И надломиться над строкой». В нее вошли не только подборки стихов поэта из многочисленных ее книг, но и отзывы читателей страничек О. Бешенковской на сайтах «Стихи.ру», «Проза.ру», поэтические посвящения, отрывки из эссе, воспоминаний, литературных исследований ее творчества.

Алексей Кузнецов

Поэт – что малое дитя

Середина марта 2003-го. Дюссельдорф. Третий Международный поэтический турнир. В задании строчка Бориса Чичибабина: «Поэт – что малое дитя». Президент турнира – писатель Раф Айзенштадт. Во главе жюри – поэт Ольга Бешенковская. Я приехал в Германию меньше года назад и вскоре обнаружил в русскоязычной среде бурную литературную и каэспэшную жизнь с нешуточными разборками и выяснениями отноше-

ний. Разборки мне никогда не были интересны, другое дело – концерты, фестивали, турниры... Об Ольге Бешенковской знаю – известный литератор, большой поэт. По окончании подхожу к ней, не без робости вручаю (мол, буду рад, если взглянете) тощую книжицу своих стихов. Через пару дней звонит Ольга. Книжка прочитана, о стихах очень теплый отзыв. По-детски радуюсь: поэт – что малое дитя...

Чуть позже Бешенковская дала интервью для «Русской Германии», где в ответ на каверзные вопросы корреспондента, типа: «кому и на кой все это нужно?», защитила и саму идею проведения турниров, и право самодеятельных авторов на самовыражение, заодно сказав много добрых слов об организаторах этого праздника поэзии. А дальше случилось невообразимое – обида организаторов на нее, как я понимаю, главным образом за слова «самодеятельные авторы». Тогда я не знал, что это не первая и далеко не самая страшная обида на нее...

Постарайтесь не портить «Семейку»!

Для кого-то она была Ольга Юрьевна, кто-то был с ней на «ты», у нас как-то сразу сложилось нечто среднее: неизменное «вы», но при этом дружеское «Оля» и «Володя». Так случилось, что в Штутгарт, где жили Оля и ее муж Алексей Кузнецов, в 2003 году приехала семья

моей сестры с нашей мамой, и я стал частым гостем этого города, что в немалой степени способствовало сближению с Ольгой и Алексеем. Когда я вскоре по приезде надумал издавать альманах для семейного чтения, первая, кому я об этом поведал, была Бешенковская. Ее реакция меня обескуражила:

– Вот вы все тут приезжаете, – сказала она неприязненно, – и сразу начинаете издавать альманахи!

Пришлось признаться, что у меня есть немалый редакторский опыт и что в моем родном Донецке я перед отъездом поучаствовал в создании журналов «Родомысл» и «Дикое поле. Донецкий проект», собкором которого являюсь в Германии. Объяснил также, почему хочу затеять это безнадежное дело, и изложил концепцию будущего издания, попросив у нее, недавно закончившую издавать журнал «Родная речь», совета и помощи. Оля смягчилась и вскоре позвонила мне, предложив назвать альманах «Мишпуха». Название мне не понравилось, к тому же что-то похожее уже у кого-то имелось, но зато оно подсказало идею назвать альманах «Семейка». Название Ольга приняла, как и сам альманах, в котором она все дальнейшие годы принимала самое активное участие. В какой-то газете, давая интервью о литературной жизни иммиграции, она сказала о «Семейке», что это мост между Рейном и Днепром, имея в виду и авторский состав альманаха, и объединительную его политику. Когда я ее за это поблагодарил, она сказала:

– Володя, альманах, действительно, хорош. Постарайтесь не портить «Семейку» слабыми вещами!

Я пообещал, стараюсь по мере сил до сих пор. В этой связи хочу поведать случай, который проливает свет на отношение Бешенковской и к себе, и к делу ее жизни, помогает понять масштаб ее личности.

«Надо готовиться к смерти так, как готовятся к жизни»

Как-то уезжая от сестры, я столкнулся на Штутгартском железнодорожном вокзале с Олей и Алексеем и по их виду понял: случилась беда. И не ошибся. У Оли неожиданно обнаружилась, как это бывает с людьми, не сильно озабоченными своим здоровьем, запущенная смертельная болезнь. Только что Оле сообщили, что

жить ей осталось не более полугода (в Германии не принято скрывать от больных страшные диагнозы). Не приведи бог такое услышать... А услышав, как с этим жить? У Бешенковской было чуть ли не буквально по Давиду Самойлову: «Надо готовиться к смерти так, как готовятся к жизни».

Не знаю, успела ли она привести в порядок свои архивы (после ее смерти для их публикации огромную работу проделал ее муж Алексей Кузнецов – честь ему и хвала!), но знаю точно, что она отказалась от начатой было изматывающей химиотерапии, чтобы та не мешала ей работать. В результате составила книгу и написала предисловие к ней о творчестве писателей-инвалидов и чуть ли не до последних дней писала стихи... А еще, даже уже не вставая с постели, жадно общалась с посещающими ее друзьями, дарила им, как и прежде, свое тепло и внимание. Помню, как во время нашего с поэтессой Таней Ивлевой визита долго нас не отпускала, говорила о поэзии, просила читать ей наши стихи. При этом до конца оставалась женщиной: однажды пришел ее проведать, а она из своей комнаты – Алексею: «Это Володя? Пусть он пока не заходит», и через паузу: «Уже можно». Оказалось, надевала на оскверненную химиотерапией голову парик...

Так вот, об отношении Бешенковской к себе, к делу ее жизни и масштабе ее личности. Готовя очередной выпуск «Семейки», прошу у Оли подборку ее новых стихов. Получив ее лирику, в которой она прощалась с этим миром, обнаруживаю, что два стихотворения в этой очень сильной подборке заметно слабее остальных. Встаю перед проблемой: дать все как есть или убрать эти два. После мучительных колебаний решаю убрать... Для нормального человека поступок мой выглядит чудовищным (да кто ж из нас, литераторов, нормален?..). И то, что я выполнял завет Оли, и что заботился не только о пресловутой планке альманаха, но и о качестве столь важной подборки, вряд ли может служить оправданием. Благими намерениями, как известно...

Звоню Оле, сообщаю, что хочу убрать из ее подборки два, на мой взгляд, слабых стихотворения.

Оля:

– Если вы считаете, что они слабые, убирайте. Ничто не может служить оправданием плохим стихам. – И далее говорит то, что никто другой на ее месте, наверное,

ни за что не сказал бы: – Знаете, а ведь и в (звучит название толстого журнала) тоже не взяли именно эти два...

Мастер

Работала Оля много. Стихи, статьи, эссе, рецензии, критические отклики, составление чужих подборок стихов с неизменно доброжелательными (иногда, на мой взгляд, излишне авансными) предисловиями в газетах и журналах. Ее творческие вечера становились настоящим событием для любителей поэзии. Во время личных встреч всегда просила меня почитать новые стихи, но сама свои почти никогда не читала. Однажды я попросил ее об этом, на что она ответила, что давно не пишется, нового ничего нет, ну разве что вот это... И прочитала очень сильный цикл стихотворений об окружающих ее вещах. Я с удивлением заметил, мол, как же не пишется, такие стихи... На что Оля возразила: да это я так, чтоб форму не терять...

На этом можно было бы поставить точку, если б не одно давнее ко мне письмо и не один мой давний долг перед Олей – неопубликованная статья. Об этом ниже. Сначала – об одной ее странности.

Оставьте свое сообщение...

Была у Бешенковской одна странность, которую я долго не мог понять. Звонишь ей, включается автоответчик с просьбой оставить сообщение, и только ты открываешь рот, чтобы это сделать, трубку снимает Оля. Спросить, почему так происходит, было неловко, списал это на странность поэта. Лишь позднее до меня дошло, что это никакая не странность, а кошмарная жизненная необходимость: Оля должна была сначала понять, кто звонит, чтобы решить, брать трубку или нет...

А вот теперь – письмо.

«Привет из Штутгарта!»

Володя, привет!

Как дела? Я надеюсь, что у тебя все хорошо. Последнее время замечаю, как мал круг светлых людей в этом нашем германском – русском мирке. Поэтому бывают минуты, когда кризис среднего возраста вдруг на какое-то время тебя покидает, и ты начинаешь думать о тех, с кем было в последнее время приятно провести время.

В данном случае о тебе. Поводом для таких приятных воспоминаний послужило нижеследующее эссе, вот ссылка <http://www.rh-bw.de/Beshenkovskaja/010.htm>. Возможно, ты его уже читал, если нет, то прочитай. (Как я понял, на этом, ныне отсутствующем сайте, автор письма прочитал произведение О. Бешенковской «Травля»/Вынужденное послесловие к «Дневнику сердитого эмигранта»/- ВА).

Случай в «Менестреле» я помню очень хорошо, и помню, что я тогда совсем не понял твоего праведного гнева, так как был совсем не в курсе всех тех событий, которые описываются в этом повествовании, просто интуитивно тебе поверил, и знал, что, если ты так поступил, значит, это правильно. Володя, ты был тогда абсолютно прав, и молодец, что не промолчал! Если бы я был в курсе, то тот человек никогда не попал бы к микрофону. Впрочем, он уже давно на клуб не ходит, и как мне теперь кажется, именно после той «оплеухи», которую ты ему красиво отвесил.

Интересно, то, что я прожил в Штутгарте уже 18 лет, из них в течение 16-ти пел песни и организовывал всякие мероприятия, и никогда не думал, что в этом обществе все так «друстно». Может потому, что мы просто «починяем свой примус», и создали сообщество замечательных людей, в кругу которых тепло и интересно. Но добро должно быть с кулаками.

Удачи тебе! Не болей! И твори на радость всем!

Миша

Неожиданное это письмо от бывшего руководителя штутгартского бардклуба «Менестрель» Михаила Раменского пришло 09.05.2012 – через шесть лет после смерти поэта Ольги Бешенковской. Письмо меня взволновало, и я ответил Мише, что раз он (пусть и через столько лет) понял то, о чем написал, значит, действительно преодолел кризис среднего возраста, и я за него искренне рад.

Предыстория письма такова.

Из неопубликованной статьи «Не могу понять»

Живет в Штутгарте известный литератор, которого Евгений Евтушенко, составитель антологии «Строфы века», назвал одним из сильнейших современных рус-

ских женщин-поэтов. На днях Нью-йоркское издательство, взяв, что сейчас редкость, расходы на себя, выпустило в свет ее десятый сборник «Беззапретная даль». Зовут литератора Ольга Бешенковская. Далее будем именовать ее Ольга. Для простоты изложения.

Живет в Штутгарте еще один литератор. Тоже, по своему, известный. Руководит литобъединением. Пишет стихи. Лирику его мне прочесть не довелось, а вот ироническую продукцию я имел возможность услышать в штутгартском бардклубе. Зовут литератора Юрий.

Ну, живут и живут в одном городе два поэта, казалось бы, чего им делить? Ольге и впрямь делить с Юрием нечего. Она, по ее словам, в глаза его не видела и стихов не читала. Юрий же Ольгу пристально читает и «горячо любит». Выступая перед публикой, он так и говорит: «А сейчас – пародия на нашего горячо любимого автора!» И зал уже улыбается, ибо ведает, о ком пойдет речь, и замирает в предвкушении. А вкушает зал такое: «Я, – говорит Юрий, – тоже, как и эта поэтесса, из Питера. Там ее, кстати, никто не знает». (Это Юрий об Ольге, чьи произведения не однажды появлялись на страницах журналов «Нева», «Звезда», «Октябрь», о творчестве которой не раз писали журналы «Новый мир» и «Знамя»). «Она, – продолжает Юрий, – там рассказывает всем, как знаменита здесь, а здесь – как знаменита там. (Это Юрий об Ольге, у которой огромное, за тысячу, количество публикаций в альманахах, журналах, антологиях России, Украины, Германии, Франции, Америки). «Я обожаю ее пародировать, – откровенничает Юрий, – потому что она пишет свои стихи, напрягаясь так, словно вот-вот пукнет...» Вы наверняка сейчас морщитесь, дорогие читатели, и вряд ли смеетесь. А вот публика в этом месте просто заходится от смеха! Но дальше и ей не очень смешно – пародия слабая и откровенно скучная (на других авторов у Юрия почему-то получается лучше, возможно, мешает ему та самая «любовь» к пародируемому объекту).

Отступление первое

Юрин выпад произошел за несколько лет до ухода из жизни Ольги Бешенковской и аккурат через полчаса после ее ухода из бардклуба вместе с мужем Алексеем Кузнецовым: когда они узнали, что я приезжаю с твор-

ческим вечером в «Менестрель», пришли и честно отсидели до перерыва. Помню, как Ольга, прощаясь со мной, грустно пошутила: «Вот ведь удивительно: объяви, что будет вечер поэта Авцена, соберется 20 человек, а на Авцена, исполнителя авторских песен, придет 200...»

Когда закончился вечер, я собирался сказать Юрию, что пародия должна быть не слабее, а желательнее пародируемого материала, и что уж точно недопустимо при этом говорить пошлости в адрес объекта пародии. Попытка не удалась – Юрий покинул мероприятие сразу по его окончании. Тогда я поделился этой мыслью во время дружеского застолья с членами клуба, а заодно задал вопрос: почему к Ольге здесь такое, мягко говоря, странное отношение. «Ну вы же знаете, кто она такая!» – ответили мне. «Знаю, – сказал я, – большой русский поэт». За столом повисла пауза, кто-то предложил пустить гитару по кругу, и тема Бешенковской была закрыта. Не желая огорчать Олю, я ей обо всем этом не рассказал.

Через год я снова в «Менестреле». У меня несколько минут во второй части вечера в рубрике «Зеленый микрофон». И только я покидаю сцену, как на нее поднимается Юрий.

...Юрий объявляет, что сейчас, как обычно, будут стихи «про нашего любимого автора». Цитирую по памяти начало, далее, уж простите, в пересказе:

*А и Б сидели на трубе,
Говорили меж собою
о Мудищеве Луке...*

Кто и что разумеется под Б, вам, уважаемые читатели, понятно, а под А (подскажу) имеется в виду муж этой самой Б – Алексей. Суть же виршей сводится к тому, что Б как женщина в большой претензии к своему А как мужчине, а вот Лукой Мудищевым, напротив, весьма довольна за (как бы это поприличней сказать?), в общем, за его большое достоинство и отдает предпочтение Луке, а не своему мужу, у которого это достоинство поменьше... Надо ли говорить, что по ходу чтения в зале смех, а в конце – бурные продолжительные?..

Отступление второе

Едва Юрий покинул сцену, к свободному микрофону вынесло меня. (В зале недоуменный ропот.)

- Я прошу, - сказал я, - простить меня за выход без приглашения. Возможно, у вас здесь не принято выступать в публичную полемику, за что я тоже приношу извинения. (Зал притих.) Но иначе я поступить не могу. При мне уже второй раз здесь у вас вытирают ноги о большого русского поэта, живущего в вашем городе и делающим этим ему честь. Это, во-первых. Во-вторых, Юрий, я еще прошлый раз хотел вам сказать, что хорошие пародии и стихи могут быть злыми, но не злобными и желательно не пошлыми. (Зал выжидающе молчит.) И в-третьих, Юрий, откуда у вас такие познания о том, что делается у Алексея в штанах?! (Зал хохочет - теперь уже над Юрием.)

Схожу со сцены, меня ловит за руку тоже приезжая посетительница клуба:

- Напрасно вы так, Володя! Если бы здесь была Оля, она бы посмеялась вместе со всеми, да и все...

На что я ответил, что вряд ли, и поинтересовался у девушки, смеялась бы она, если бы со сцены нечто подобное прозвучало о ней...

В жизни бывает всяко. Ну полюбил один литератор другого странную любовью. Ну принял как руководство к действию хрестоматийные строчки «У поэтов есть такой обычай, в круг сойдясь, оплевывать друг друга». Ну... Впрочем, на этом всякие «ну» и кончаются. Ибо ни в какой круг Ольга и Юрий никогда не сходились и не сойдутся - Юрий и впредь обречен произносить свои безответные филиппики за спиной Ольги. Это, во-первых. А во-вторых, и, в главных, - дело не в Юрии вовсе. Дело в нас, именующих себя (часто не без скрытой гордости) русской иммиграцией и даже русской интеллигенцией и... упивающихся приведенными выше Юриными пассажами! Именно на подобную публику рассчитывали те, кто завалил почтовые ящики русскоязычного населения Штутгарта анонимками в адрес Ольги Бешенковской, которые невозможно даже процитировать в силу низкопробности их стиля и оскорбительности содержания. Хочется надеяться, что прямого отношения к написанию этих анонимок Юрий все же не имеет, чему, как мне кажется, есть подтверждение. Но об этом - чуть ниже. А пока в двух словах о причине столь пристального внимания «анонимистов» к Ольгиной персоне. Для тех, кто не знает.

Лет десять назад Бешенковская, что называется, представилась по полной программе, опубликовав сначала в

издаваемом ею журнале «Родная речь», а затем в «Октябре» - «Дневник сердитого эмигранта». В этом большом, многоплановом и, если можно так сказать, многожанровом эссе писатель, прожившая первые три года по приезде в Германию в иммигрантском общежитии, поведала в прозе и стихах о своих радостях и печалях, умудрившись задеть за живое и русских, и немцев, и евреев, по ходу описав не самые лучшие качества и нравы некоторых своих соседей - не называя, впрочем (что важно!), никаких конкретных имен. Автор настолько ярко изобразила жизнь и характеры, что читатели из других городов в своих письмах недоумевали, зачем писатель придумала про Штутгарт, когда все это происходило в их городах и в их общежитиях! Собираемые образы - прием в литературе известный, а жанр памфлета, который просматривается в описании неприглядных сторон бытия, потребовал от писателя и соответствующих красок. Зеркало, поднесенное ею к глазам читателя, отразило отнюдь не умильную картину. Вот этого-то долгие годы и не могут ей забыть и простить русскоязычные обыватели города, как те, которым по прочтению «Дневника сердитого эмигранта» показалось, что это именно про них, так и те, кто, по печально известной формуле, эссе не читали, но с их автором не согласны. Очень скоро «сердитая эмигрантка» Бешенковская получила от рассерженных иммигрантов и продолжает все эти годы получать звонки с угрозами, возмущенные письма в инстанции, а теперь вот эти анонимки.

В юности мне как-то попалось на глаза изречение философа Бенедикта Спинозы о том, что, размышляя над поступками людей, он не спешит их осуждать, а старается сначала понять. Постулат этот мне полюбился и не раз потом помогал разобраться в чудовищно трудном явлении, имя которому - человеческие взаимоотношения. Помогал часто, но, увы, не всегда.

Я могу понять чувства тех, кого обидела не злая в жизни, но остроязычная и резкая в своих статьях, а порою и стихах Бешенковская. Могу понять, что у обиженных возникло естественное и справедливое желание разобраться с обидчиком. Но я не понимаю столь очевидной неадекватности ответных мер. Я не понимаю, как можно без усталости воевать с писателем целых десять(!) лет! Я не понимаю: дело тут в каких-то особых качествах людей, которые вышли на тропу войны, или причи-

на в известности писателя, ошибочно принимаемой за синоним счастья, и если бы после «Дневника» писательская судьба Бешенковской вдруг не сложилась, то ее прегрешения скоро и навсегда забылись бы?

Я могу понять и Юрия. Ревность к чужому таланту – тяжкое бремя! Это разрушительное чувство коварно – оно обоюдоопасно, как для ее объекта, так и для самого субъекта. Думается, именно этим чувством продиктованы злые Юрины эскапады в адрес Ольги, именно это чувство погнало его однажды в другой город, чтобы упредить своим выступлением ожидаемую там встречу читателей с Бешенковской, а заодно поагитировать публику не ходить на ее концерт. Все это я могу понять. А вот от его сотоварищей недавно испеченное письмо в журнал «Нева» я понять не могу. Не понял его и главный редактор журнала Борис Никольский, не привыкший к подобного рода посланиям или уже счастливо отвыкший от них...

«Дорогая Ольга!

На днях вышел пятый номер "Невы" с Вашей (помоему, очень хорошей, глубоко трогающей душу подборкой стихов). Так что поздравляю и Вас, и себя. Вместе с тем, не могу не поделиться одной странной историей. Недавно я получил письмо из Штутгарта, где два наших бывших соотечественника по собственной инициативе пытались организовать подписку "Невы". И вдруг вот что пишет мне один из них (Семен Раппопорт). Дальше воспроизвожу текст письма дословно: „ja i Yury Gerlovin sanimaemsja podpiskoi na Vasch zurnal. No nekaja Olga Beschenkovskaja provela akziju protiv podpiski. Negativno otsivajas o NEVE i Vas litschno. Mi poterjali vsech (11 tschelovek) soglasivschichsja“.

Конечно, подобное письмо не могло не привести меня в изумление. Мне кажется, я знаю Ваше отношение к «Неве» и что-то не верю, что оно могло так быстро и так кардинально измениться. Но в чем тут дело? Обычно я не придаю подобным историям значения, однако я всегда слишком ценил и ценю наше сотрудничество, наши отношения, чтобы отнестись к возникшей ситуации со спокойным безразличием.

Всего Вам доброго! Ваш Б. Никольский»

Повторяю, понять это письмо в журнал невозможно, ибо оно вне человеческой логики. 15 лет печататься в «Неве», быть в прекрасных отношениях с редактором и мешать подписке, можно сказать, на свой родной журнал?! Возможно, у Ольги Бешенковской и есть недостатки, но с мозгами-то у нее всегда было все в порядке.

Впрочем, хотя именно это письмо и было последней каплей, переполнившей терпение и побудившей меня написать эту статью, но как раз оно и навело меня на мысль, что к написанию упомянутых выше анонимок Юрий может личного отношения и не иметь: как ви-

дим, он сражается со своим «любимым поэтом», хотя и нелепо, и излишне темпераментно, но все-таки с открытым забралом. А это слегка утешает! Как и то, что все же были и в бардовском клубе люди, которые не тащились от антибешенковского стеба; как и то, что далеко не все русскоговорящие иммигранты восхитились обрушенной на них анонимной стряпней – долгое время в квартире поэта не умолкали сочувственные, а в редакциях газет возмущенные телефонные звонки; как и то, что «Еврейская газета» выступила тогда в защиту Бешенковской и обронила по поводу ее травли свое «золотое слово, со слезами смешанное»...

Вот и мне от моего «веселого» рассказа что-то взгрустнулось.

Я понимаю, господа, что призыв Кота Леопольда «Давайте жить дружно!» – не про нас, иммигрантов.

Я понимаю, что и неиммигранты тоже не сливаются денно и ночью в дружеских объятиях.

Я много чего понимаю.

Но я не понимаю, почему мы не можем жить на земле по-людски?..

Отступление третье

Цитируемая здесь статья готовилась для газеты «Русская Германия». Узнав о том, что я усомнился в причастности Юрия к собственноручному написанию и распространению анонимок, Оля сказала, что она уверена в виновности Юрия, и я должен в статье об этом непременно сказать. Поскольку уверенность не есть доказательство, я напомнил Оле про презумпцию невиновности. На что она сказала: «Ну тогда вообще не надо это печатать!» На том и порешили...

И вот через много лет после ее смерти я со сложным чувством своей тогдашней правоты и нынешней вины перед ней решил опубликовать этот материал и все, что с ним связано.

P.S.

В 2010 году Международная гильдия писателей учредила литературную премию имени Ольги Бешенковской. Случилось это в Штутгарте через 4 года после смерти поэта... Существует утешительная фраза про время, которое работает на истину и все расставляет по своим местам. Возможно. Вот только дожить до результатов этой работы, увы, мало кому удается...

Владимир Авцен, член МГП

ingild.com

Учредитель:
Международная гильдия писателей
www.ingild.com

Издатель:
© Издательство STELLA
www.stella-verlag.com

ISBN 978-3-95772-142-6

Дизайн:
© В. Цветков
Ответственный секретарь:
Л. Баумгартен

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Редакция не несет ответственности за достоверность фактов и сведений в авторских материалах. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции. Редакция оставляет за собой право редактировать присланные текстовые и иллюстративные материалы.

На обложке:
Hans von Aachen: Portrait of Anna of Tyrol

